

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

Поэмы

Брату Ивану
и Людмиле
со детьми

Васька
Маркелский
Михаил!

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1958

14.1.59

ПРОДАННАЯ ВЕНЕРА

Я был у старших на примете.
И вот однажды мне велят
На комсомольском комитете
О красоте прочесть доклад.
Мой вкус был самый деревенский,
А други просят:
— Не забудь
О красоте, ну, знаешь, женской
В своем докладе помянуть.

А что я знал?
Что есть сутулость
И есть девическая стать?
На чем душа моя споткнулась,
Не надо мне напоминать.
И все же будущего ради,
Марая белые листы,
Задумал я в своем докладе
Раскрыть все виды красоты:

Все то,
Чем люди восторгались,
С чем шли, рассеивая мрак.
Все темы прочие давались,
А тема женская
Никак!
Не помогал мне опыт древний,
Что лег в пудовые тома...
Все лезет на глаза деревня,
Подслеповатые дома,
И щучьи зубы частокола,
И ребра старого плетня,
И школа сельская...
Та школа,
В которой около меня
Сидела Граева Наташа...
В те дни она такой была,
Что ничего природа наша
Прекраснее не создала.
В деревне, помню, говорилось
С насмешкой острою, как нож:
— Ты что-то, девка, загордилась —
Как Ната Граева идешь!

Теперь
Хочу увидеть снова
Все то, что память сберегла.
И речка времени бывшего
Перед глазами потекла.
Избрал я место наудачу
У каменного голыша,
Сажу за кустиком — рыбачу,
Ловчусь перехитрить ерша.
С настойчивостью непонятной
Мечтаю о его клевке
И все смотрю,
Как луч закатный
Разнежился на поплавке.
Не видел я, как по откосу
Прошла она, как на песок
Одежду сбросила и косы

Под синий спрятала платок.
Но видел я,
Как стихли воды,
Когда она к реке прошла —
Фантазия!
Каприз природы!
Причуда света и тепла!
Она, омытая лучами,
Когда вода коснулась стоп,
Легонько повела плечами,
Как будто сбросила озноб.
Волна пред нею расступилась
И снова преградила путь...
Блестели плечи, золотилась
Ее заносчивая грудь.

Там,
Над речною глубиною,
Произнесли мои уста,
Еще нетроганное мною,
Большое слово:
Красота.

Ничем
Не помешав Наташе,
Преодолев блаженный стыд,
Я подстерег ее тогда же
У зеленеющих раkit.
Как, вспоминая, сердце билось,
Когда, проплавав полчаса,
Она пришла, остановилась
И заглянула мне в глаза.
Смутилась вдруг,
Стыдливой стала...
В моих зрачках —
Ей-ей, не лгу! —
Себя, должно быть, увидала,
Какой была на берегу.

А старики —
И это тяжко —

Судили Нату под гaрмонь:
— Конем любятoся в упряжке,
Конь на гульбе
Еще не конь...

Спеша продлить воспоминанья,
Как в прежние твержу я дни
Знакомое ей заклинанье:
«Ты с глаз моих не уходи!»
Но время воздвигает стены,
И самой страшною стеной
Огни и дымы дней военных
Заколыхались предо мной.

И вскоре
Я ее увидел,
Взглянув на мир из-под руки,
Не на гульбе — в том самом виде,
Как выражались старики.
Увидел с темными горшками,
Перекаленными в печах,
С шестипудовыми мешками
На перекошенных плечах.
Порядок слов,
Звучавший мило,
Теперь бросал все тело в дрожь:
— Ты что-то, девка, приуныла —
Как Натка Граева идешь!..

При встрече
На дороге пыльной
Ее глаза несли мне весть,
Что от работы непосильной
Вся сваяла, не успев расцвести.
Лицо обветрено и грубо.
И шла она, не шевеля
Губами,
Потому что губы
Потрескались,
Как в зной земля.
Давно успела позабыть,

Что до поры иссохли груди,
Что стала по земле ходить,
Как ходят пожилые люди,
Что живость света и огня
В ее глазах давно заснула.
В мои с надеждой заглянула —
И отшатнулась от меня.

В моих,
Повидевших немало, —
А в них я все сберечь могу! —
Себя в соседстве увидала
С той прежней Натой, что стояла
Передо мной
На берегу.

Я знал,
Что из морщин бесчисленных,
Примеченных издалика,
Любая черточка почетна,
Как честный шрам фронтовика.

* * *

За боль,
За раннюю сутулость
Спеши сторицею воздать.
Найди же, чем не стала юность
И чем она могла бы стать!
На чем от самого рожденья
Не отразятся
Ни ветра,
Ни мировое потрясенье,
Ни горе одного двора.

Ищи прекрасное на свете,
Суди, оправдывая, вини
И по нетронутой монете
Монету стертую цени.
Не изменив мечтам заветным,
По жизни в поисках пройди.

В каком-то облике бессмертном
Наташу Граеву найди.
Ее судьба да будет вехой,
Повсюду видной хорошо.
Искал я.
И в книжонке ветхой
Ее бессмертье я нашел.
Рука, листавшая устало,
Успела, к счастью, долистать
До той,
Кем милая не стала
И кем она могла бы стать.

Я видел:
В радостном полете
Кисть житнетворца создала
Всю красоту горячей плоти,
Причуду света и тепла.
Влюбленный и ревнивый гений
В слиянии радости и мук
Набросил матовые тени
На легкие изгибы рук.
Такой лететь туда, где боги!
И он, уже не тратя сил,
Куском парчи,
Упавшим в ноги,
Ее чуть-чутьотяжелил.

Едва приметными мазками
На долгий срок,
На вечный срок
За темными ее зрачками
Свет человеческий зажег.
Тем светом ей
Печаль, тревогу
И горе изгонять дано.
С такой легко искать дорогу,
Когда становится темно.
Она стыдлива без ужимок,
Как та,
Которую я знал...

И это был
Всего лишь снимок,
А где же сам оригинал?
Где рождена?
В какие эры,
В какой из поднебесных стран?
И кто она?
Прочёл: «Венера».
А чуть пониже: «Тициан».
И тут же на бумажной сини
Отчетливо и на виду
Приписка: «Собственность России».
Прекрасно!
Я ее найду!

И снова
В поиски ушедший,
Всем говорю: мол, так и так...
Смеются:
— Что за сумасшедший!
Венеру ищет! Вот чудак! —
Какой-то полный незнакомец
Откашлялся и пропыхтел:
— Избаловали!.. Комсомолец,
А тож — Венеру захотел!

Иду,
Чем дальше, тем смелее
По городу — через снега,
Иду в картинных галереях
Через минувшие века,
Через сокровища народов,
Не падая пред ними ниц,
Через толпу экскурсоводов,
Учеников и учениц.
Переходя от века к веку,
В людской толкаясь тесноте,
Они пришли сюда, как в Мекку,
На поклоненье красоте.
Примет картины благородной
Уйдя на поиск целиком,

И я тянусь к ней,
Как голодный
За хлебным тянется пайком.

Ее ищу я в каждом зале;
В простенках каждого угла.
— У вас Венера не была ли?
— Нет, — отвечают, — не была.
Вновь объясняю по порядку:
— Амур и зеркало... Рукой
Венера поправляет прядку...
Вновь слышу:
— Не было такой.

Но вот совсем неподалеку
Бородка над толпой всплыла,
Блеснуло старческое око
Из-под очков.
— Была! Была!

И вспомнил я,
Как поезд мчался
В лесную родину мою,
И я с таким вот повстречался
В металлургическом краю.
Теперь мне вспомнилось, как ночью
В огнях увидев домен ряд,
Похвастал кто-то:
— Между прочим,
Я строил этот комбинат.
Добавил, ус крутнувши лихо,
Что ставил там прокатный стан,
А старец, вот такой же, тихо
Заметил:
— Вы и Тициан.

Тогда,
Болтавшие о многом,
Толкуя обо всем слегка,
Как на обиженного богом,
Взглянули мы на старика.

И он притих,
Ни об искусстве,
Ни о других делах страны
Уже не говорил,
Лишь с грустью
Посматривал со стороны,
Как спорил с химиком строитель.
Так грустно на исходе дней
Разочарованный родитель
Глядит на выросших детей.

Теперь старик подвижен, светел.
Узнал и вновь не узнаю.

— Вы вспомнили ее?!

Ответил:

— Я вспомнил молодость свою.

Мы шли,

И не было мне странно,

Что говорил он, не шутя:

— Вы знаете, у Тициана

Она не первое дитя...

Дрожало старческое веко,

А он твердил мне об одном:

— Полвека! Да, мой друг, полвека

Я был ее опекуном.

Все черточки лица страдали,
Кривились, будто был он пьян.

— Что ж стало с ней?

— Ее продали.

— Куда?

— Туда... за океан.

Мы продаем

И лес и кожи,

Но красоты нехватка в нас!

Едва ли нужен и возможен

Большого горя пересказ.

Он знал,

Что жили небогато,

И ведал, продана зачем,

Но только личные утраты
Не восполняются ничем...

Когда
В Магнитогорске рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.
Он говорил об этой встрече
Так,
Словно сам с ней в рабство плыл.
— Я парусиною прикрыл
Ее блистательные плечи.
Он рисовал мне
Небо в тучах,
Над палубой туман густой...

За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

* * *

И с ней,
Не встретаясь, я простился.
Нерадостен был мой уход.

Заснул я поздно.
Мне приснился
Металлургический завод.
Мне снились волны в кудрях пены,
Бегущие за край Земли,
Мне снились грузные мартены,
Похожие на корабли.
Пусть окна в них
Прикрыты плотно,
И лишь на каждом красный глаз,
Но и в зашторенные окна
Бьет пламя,
Обжигая нас.
Но что такое?!
Шум стозвучный
Вдруг стих, рассеялся угар.

С открытым ртом стоит подручный,
Бородку щиплет сталевар.
В глазах у парня бес запрыгал.
И не возьму никак я в толк,
С чего он громко загыгыкал:
— Гы, баба!.. Голая!.. —
И смолк.

Гляжу я,
Тоже ошарашен,
Дивлюсь, как на печной пролет
Походкой легкою Наташи
Венера русая идет.
Боса, парчой полуприкрыта
В угоду прежним временам,
На крошки ступит доломита,
Поморщится —
И снова к нам.
Глядит все пристальней, все строже,
Ни слова нам не оброня.
Хочу, мол, посмотреть, за что же
Вы про...
Вы отдали меня.

Старик,
Тихонько увлекая
Меня от гостыи и зевак,
Спросил негромко:
— Кто такая?
Я мастеру: мол, так и так...
Мол, помните,
Когда здесь рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.

И мастер,
Подошедши близко,
Остановился перед ней
И поклонился низко-низко,
Сняв кепку с головы своей...

Помедлил,
Дав словам отсрочку,
Потом, прижав ладонь к груди,
Заговорил:
— Прости нас, дочка...
Все видела, теперь суди.
Бывало, бьюсь,
Из кожи лезу,
И недопью и недоем.
Мы пропадали без железа,
И рабство нам грозило
Всем.
Как строились,
Душой болея,
Ты, вечная, нас не поймешь.
И что тебе!
Ты, не старея,
До коммунизма доживешь.
Захочешь жить у нас, к примеру, —
Гости без никаких бумаг... —
Старик вздохнул:
— Вот так, Венера...
По батюшке не знаю как.

Я посмотрел
И вздрогнул даже.
В горячем отблеске огня
Уж не Венера, а Наташа
С укором смотрит на меня.
Вновь покорила
Ясность взора
Глаз темных, затаивших зов,
Как затененные озера
Среди нехоженных лесов.
В них,
Укрываясь от напастей
Души глубинной чистотой,
Надежда на большое счастье
Все ходит
Рыбкой золотой.
Друзья не сразу догадались,

Что говорит она со мной:
— Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

* * *

Не знаю,
Так ли я ответил,
Когда в суровой простоте
На комсомольском комитете
Читал доклад о красоте.
Встречая взглядом
Взгляд сердечный
Сидевших прямо предо мной,
Я с грустью говорил о вечной
И с болью вспомнил о земной.

Я говорил,
Как перед Натой:
История от первых дней
Ни перед кем не виновата,
Виновны только перед ней.
Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясения
И горе одного двора.

На все
Я в жизни вижу отклик,
От горя к радости мосты.
Судьба Наташи — это подвиг,
А подвиг стоит красоты.

Глазами встретившись с одною,
«Ты знаешь ли, — сказал я ей, —
Какой заплачено ценою
За легкий взлет
Твоих бровей?»
Не знаю, так ли
Двум мальчишкам,
Зевнувшим нехотя в кулак,

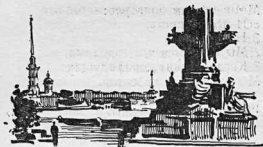
Сказал я, может, строго слишком: М
— Послушайте, — «И вот Э»
Сказал я так: «тогда в Э
— Все позабудется на свете, в Э
Все сгладится в конце концов в Э
Вам, избалованные дети, в Э и М
Не вспомнить бедности отцов.
Вам подавай лишь то, что мило, в Э
Красавицу и сад в цвету.
Кровь пролилась,
А не чернила
В сражениях за красоту.
Вам огорчительно до боли,
Вам оскорбительно до слез,
Что материнские мозоли
Не пахнут лепестками роз.

Пусть той Наташи мы не встретим,
Но людям жить и быть красе.
На этот раз уже не детям,
На этот раз сказал я всем:
— Рост красоты по дням и годам
Мы обеспечим — верю я,
Как обеспечен курс рубля
Всем достоянием народным!

Мечтатель,
Верный почитатель
Земных красот,
Признайся, брат,
Что виноват,
И я, читатель,
С тобой в растратах виноват.
Мы равнодушны и незрячи,
Не знаем, что смелей резца
Моя ль,
Страны ли неудача,
Морщинку, складку обозначив,
Коснется каждого лица.
Судьбу,
Сгибающую лучших,

Мы не берем за горло:
«Стой!»
За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

1956

ДАЛЕКАЯ

Права любви
Да будут святы.
Настроенный на этот лад
Все девять лет,
Я на десятый
Решил поехать в Ленинград.

Я поклонился Ленинграду
И предъявил законный иск
За девушку, что в дни блокады
Он отсылал в Новосибирск.
Скажу, в детали не вдаваясь,
Вам, ленинградцы, не в упрек,
Что я, и бедствуя и маясь,
Ее, красивую, сберег...

Шли дни.
Закончив подвиг ратный,
Еще горячий от огня,
Ваш город взял ее обратно,
Точнее — отнял у меня.

Мы можем боль нести годами
И все стерпеть,
Но иногда
Мы ссоримся и с городами,
Когда обидят города.

И вот
Над невскою волною,
Неподражаемо велик,
В час утренний передо мною
Предстал любви моей должник.
Еще тогда,
В перронной давке,
Он, хитрый, на моем пути
Поставил будочку Горсправки:
Мол, так легко ее найти.

И, отсылая к доброй даме,
Он знал, что та меня убьет
Обыкновенными словами:
«У нас такая не живет».
Мне объясняют осторожно...
Нет, нет! Не надо объяснять,
Что девушкам совсем несложно
Свои фамилии менять.

Зашел я в первый переулок
И, глядя на дома, стою...
В какой из каменных шкатулок
Ты скрыл жемчужину свою?
Скажи, куда заставил деться,
Ответь мне, за какой стеной
Стучит загадочное сердце,
Так и не понятое мной?..

И слышу:
Из соседней улицы,
Где люди толпами снуют,
Рояль и скрипки, как союзницы,
Мне тихий голос подают.

Хотят судьбу мою улучшить,
Совет спасительный мне дать:
Ходить под окнами и слушать —
Она не может не играть.

* * *
Она не может не играть,
Задумавшись, она не может
Наш снежный край не вспоминать
И трудный срок,
Что с нами прожит.
И я ведь тоже берегу
И в памяти несу сквозь годы
Костры на голубом снегу,
Где в холод
Строились заводы.

Она могла не полюбить
Немую строгость наших елей,
Но те костры,
Но плач метелей
Она не может позабыть.

Льет дождь.
Он хлещет по лицу,
Плащ мокрый липнет к мокрым брюкам.
Две ночи
От дворца к дворцу
Шагаю Невским, чуткий к звукам.
Рояль заслышу и бегу,
А где-то
Новый завлекает...
По звукам рассказать могу,
Кто,
Где,
Когда
И как играет.

Вот эта:
До чего ж юна!..
Рыбешкой в чешуе нарядной

Все хочет вглубь,
А глубина
Выносит, легкую, обратно.
Отчаясь в глуби заглянуть,
Она без муки повторенья
Спешит на солнышке блеснуть
Своим красивым опереньем:
А этот
Все постиг уже
И, неприступный и холодный,
На самом нижнем этаже
Живет, как сом глубоководный.
Там воды тяжки и темны,
Но с ними нелегко расстаться:
В нем сердце может разорваться
От недостатка глубины.

Весь город
Утопал в закате
Необычайной густоты.
Застежками на синем платье
Темнели невские мосты.
Без позолоченных уборов,
Забыв о боге вспомнить,
Клонились головы соборов,
Чтоб на красавицу взглянуть.
Великий Петр,
Перед рекою
Вздымая дикого коня,
Грозил им медною рукою,
Осатанев: «Она — моя!»

Лишь я,
Уставший от исканий
И от мелодий, чуждых мне,
Без этих царских притязаний
Свой взгляд покоил на волне.
Катились волны еле-еле,
Их плеск был затаенно тих...

Вот так прошли,
Отшелестели
Все лучших девять лет моих.
И снова к ней душа стремится,
Как будто я
В горячке дней
Забыл как следует проститься
С ушедшей юностью моей.

Не нарушая горькой думы,
Еще дремотней, чем волна,
В привычные для слуха шумы
Вплелась мелодия одна.
Родившись где-то за стеною,
Она, чуть слышимая мне,
Пришла как будто не за мною,
Бродила долго в стороне.
Сидел
И слушал и не слушал,
Но, как бывает только в снах,
Она вдруг захватила душу
И сердце понесла в руках.

Другие звуки налетели —
Как пленник шел я в их кругу;
И вот почудились метели,
Костры на голубом снегу.
И те костры, со мной блуждая,
Вели куда-то вдоль Невы...
Подъезд... И здесь,
Чуть-чуть зевая,
Лежат египетские львы.

Я подошел,
Стою на месте,
И львы ленивые лежат.
Что — честь ее или бесчестье
Они, слепые, сторожат?
А было,
Я не сомневался,
Не отравлял мне душу яд,

Когда вот так же поднимался
К любимой
Девять лет назад.

* * *

На меня удивленно глядит
Глазами широкими,
Будто знала, что был я убит,
Будто знала, что был я зарыт,
И, как многие многими,
Был за давностью ею забыт.

С огоньками-зарничками
Вижу те же глаза и не те..
Будто кто-то шалит в темноте
Отсыревшими спичками.

Как прежде, при встрече
К груди не прижат.
Вот и рядом, а так далека!..
И губы дрожат,
И ресницы дрожат,
И дрожит золотая серьга..
Даже соболя тронула легкая дрожь:
На плечах удержаться не мог.
На огонь потухающий
Был он похож,
Чуть заметный сквозь сизый дымок.

Предо мной
Распахнулась сибирская даль,
Где мне встретилось горе мое,
Мне припомнилась старая-старая шаль,
Согревавшая плечи ее.
Образ тот
На тяжелом стальном полотне
Девять лет я алмазом врезал.
А она:
Дескать, кто вам сказал обо мне?..
— Кроме сердца,
Никто не сказал!..

Удивляешься?
Полно!
С любовью моей
Было просто тебя подстеречь.
Так охотник
По следу прошел соболей,
Что твоих удостоены плеч.

Представь себе, в глуши лесов
Нет соболиных адресов.

Там соболь по снегу петляет,
Потом, глядишь, найдет дупло.
И если только в нем тепло,
Он прячется и отдыхает.

Охотнику не шлет он весть
Ни прямо почтой, ни окольно...
Охотник знает: соболь есть —
И этого уже довольно.

И ест охотник на бегу,
И засыпает на снегу.

Зверь то внизу,
То в темной кроне
Среди разлапистых ветвей...
В тяжелом поиске, в погоне
Проходит много-много дней...

Когда усталый зверь в пути
Между корягами забьется,
Охотник ставит сеть. К сети
Подвешивает колокольца.

Трещит мороз, и снег идет.
Охотник ждет, и соболь ждет.

Ночь...
Зверю мнится: нет засад...
И раздается звон, похожий

На тот, что полчаса назад
Вдруг зазвенел в твоей прихожей.

Охотник тот настойчив был,
Чтобы твои украсить плечи до ят
А он тебя ведь не любил,
И не мечтал, как я, о встрече.

Ему от чьей-то красоты
Ни сладко не было, ни больно.
Я знал, что в Ленинграде ты, —
И этого уже довольно.

* * *

Свое достоинство храня,
Как с гостем говорит случайным,
И за столом
Сервизом чайным
Отгородилась от меня.
Заводит речь о жизни райской,
О безупречности своей,
О муже... И фарфор китайский
Как бы поддакивает ей.
И я заметил на стене:
Добавкою к семейной притче
Из рамки улыбался мне
Семьи удачливый добытчик.

Безделицами окружен,
Которым так легко разбиться,
Задумчиво, как умный слон,
Сижу, боясь пошевелиться.

Ее оглядывая «рай»
И прошлое припоминая,
Прошу доверчиво:
— Сыграй!..
— О нет... Давно уж не играю!..
И, чтоб упрашивать не стал,
Лениво повела рукою.
«Но кто же, — думаю, — играл,
Но кто же бредил здесь пургою?..

Чьи руки воскресить сумели
Те ночи давние, те дни:
Непотухавшие огни,
Незатихавшие метели?»

А в это время из дверей,
Где лак рояля засветился,
Несмелый мальчик вышел к ней
И, сделав шаг, остановился.
В лице незрелой красоты
Слились, сплелись,
Как звуки в гамме,
Ее красивые черты
С чужими смутными чертами.
И понял я
Сознанием всем:
Меж нами в маленькой квартире
Легло пространство
Больше, чем
От Ленинграда до Сибири.
Опять далекая!..
И жаль,
Что даже не с кем мне проститься:
Той девушке, носившей шаль,
Здесь не позволят появиться.

А что без той любовь моя?..
Безрадостна и сиротлива!..
Дверь...
Лестница...
Очнулся я
На жестких космах львиной гривы.
Мои ли тронули слова,
Но плакал зверь,
Большой и грозный.
Я видел, как по морде льва
Катились каменные слезы.

Себя в дороге веселя,
И так беспечно,
Так не к месту

Пел кто-то, подходя к подъезду:
«Тру-ля-ля-ля!.. Тру-ля-ля-ля!..»
При встрече,
Сделав поворот,
Успел заметить я, что это
Беспечно трулюлюкал тот,
Глядевший у нее с портрета...

* * *

Рассвет.
Еще улицы немые,
И город в безмолвии строг...
Он, как пушкинская поэма,
Из которой не выбросишь строк.
Окна
Моют светлые блики,
Мне же с глаз моих ночи не смыть...
Вот и утро,
О город великий,
Ты проснулся —
 давай говорить.
Как мне быть?
Если, горем согнут,
В суд приду я с болью своей,
Мне суды твои не помогут,
Нет у них подходящих статей.
Я приехал
Из дальней дали
И уеду, о том скорбя,
Что ее у меня украли...
Но украли и у тебя!..

И не думаю, что случайно
В тот же миг за моей спиной
Засмеялся звонок трамвайный —
Ну, конечно же, надо мной.
Дескать,
Эй, оглянись, прохожий!
Так и замер я на мосту
Перед девушкою, похожей
На потерянную мечту.

Вышла,
 Словно ее и ждали,
 Еще сонная поутру,
 В той же кофточке, в той же шали,
 С прядкой, выющейся на ветру.
 И любовью той же любима,
 Той же песней увлечена...
 Но уже,
 Пробегая мимо,
 Не признала меня она.

1954

АЛЕЖА РАТОВОЕ

О любви, О
 О той же жене
 Р. притворный и естественный
 Не в семейной любви
 Р. ее разведет во
 Ж. и
 Молодых
 Но без
 Только
 Промышленность
 Принимать
 То не
 Но
 Отбросив
 И вернись
 С
 Видея
 Молотом
 «Будь
 Только

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

О любви,
О гордой жизни деда
Я, приписанный к его судьбе,
Не в семейной хронике разведаль,
Я ее разведаль по себе.
Жить бы,
Молодых бровей не хмуря,
Но беда похожа на беду
Только потому, что жизни буря
Прошумела у меня в роду.
Принял я тревожное наследье,
По нему бывшее узнаю...
Но пора!
Отбросим полстолетья
И вернемся в Марьевку мою.

С вызовом
Выбрасывая звоны,
Молотом играет Харитон.
«Будь покорен», — говорят законы.
Только Харитону что закон!

Молодой,
Лицом и телом ладный,
Лошадь зашибавший кулаком,
То, что величаем мы кувалдой,
Называл он просто молотком.
У него в руках железо пело,
У него от жаркого труда
На лице румянном накупела
Черная с рыжинкой борода.

Что ему,
Когда он сам, как главный.
По тайге на сотню верст вокруг
Лишь один ему по силе равный,
Да и тот ему любезный друг.
Не один опустит злое око,
Как пойдут они на шумный яр,
Харитон, поднявшийся высоко,
И в плечах раздавшийся Назар.
Как придут они туда да стукнут
С силой, застоявшейся в ногах,
Что леса окрестные аукнут,
Озеро качнется в берегах.
Сила их носила, возносила
Над безумьем деревенских драк.
Лишь однажды их лесную силу
Подлость одолела...

Было так:
Крики,
Свисты.
Это всею сходкой,
Старосте Царьку деревней всей
Жеребца ловили пятигодка
Самых удивительных кровей.
Рыжий, как огонь,
Как ветер, скорый,
Он скакал меж криками:
«Гони!...»
На подворьях рушились заборы,
В огородах падали плетни.

— Эй ты, нелюдь! — голос Харитона
Резанул хозяину нутро. —
Ставь, Царек, ведроко перегона,
Мы пымаем!
— Полведра.
— Ведро!

Сговорились.
В узенький проулок
Встали други, каждый крепколап.
Стук копыт, как на морозе, гулок,
Дик и устрашающ конский хrap.
Из ноздрей — белесые колечки,
Хвост и грива брошены вразмет.
От него, как от горячей печки,
Еще задаль жаром отдает.
Взвился на дыбы,
Да мало толку.
Харитон, лицом почуя жар,
Левою рукой схватил за холку,
Правой за ногу...
А тут Назар!..

Под его железною рукою
Падать к человеческим ногам
С гордостью и кротостью такою
Было бы не стыдно и богам.

И Царек уж тряс друзей за плечи,
Уговаривая и браня:
— Черти некрещеные, полегче,
Не губите доброго коня!
А потом, ругая Харитона,
На его сподвижника ворча,
Вынес им ведро не перегона,
Ладно и того, что первача.

Был бы там,
Решился бы, спросил я,
Отчего был дед на зелье лют,
Почему сыны твои, Россия,

Больше всех на свете водку пьют?
Почему?..
Не надо удивляться.
Наши деды по нужде, поверь,
Пили столько, что опохмеляться
Внукам их
Приходится теперь.

— Пей!.. Гуляй!..
Царек косил на пьющих,
Замышляя что-то против них,
Непокорных,
Власть не признающих,
Не похожих в жизни на других.
Подчинясь его, Царьковой, воле,
На того, кто стал им не с руки,
Расхрабрились,
Выломали колья
Харитона злые шуряки.
Не затем роднились с ним три брата,
Чтобы он с железною рукой
От жены из их семьи богатой,
Значит — и от них,
Пошел к другой.
За позор сестры они платили,
Как не платят за разор врагу,
Другов били, друзей молотили,
Как снопы моложат на току.
Не было отпора низколобым.
И как стало на дворе темно,
Положили рядом их,
Всем скопом
Закатали на груди бревно.

Ночь,
И освежая и врачуя,
Укрепила их глубоким сном.
Харитон очнулся.
— Чуешь?..
— Чую...

Харитон опять:
— Дыхнем?
— Дыхнем.

Как очнулись —
Сила воротилась,
Отданная ими за вино,
Как дынули,
Так и покатилося,
Будто с горки,
Толстое бревно.

На широкой выпались постели,
Пестряди домашней не стеля.
Встали,
Обнялись,
Пошли,
Запели,
Шурыкам покоя не суля:

«У солдаты
Губы сладки,
У вдовы, как медовы,
У законной у жены,
Как ковриги аржаны...»

* * *

Было так:
Дыша прохладой леса,
Раздвигая темень хвойных штор,
К лиственнице крепкой, как железо,
Шел кузнец испытывать топор.
Пело сердце,
В листьях пели птахи.
Что там птахи, коль всегда тихи,
На посконной праздничной рубахе
Вышитые пели петухи.
Он и сам запел...
Но, зло пророча,
В развеселый птичий переклик,
Подмешалась трескотня сорочья,

Треск валежника
И женский крик.

Он раздвинул бремя навесное
И увидел, глядя в полумрак,
Как шаталось чудище лесное,
Жадно щуря маслянистый зрак.
В страхе пятилась,
С малиной сладкой
Прижимая к сердцу туесок,
Глаша, темнокошая солдатка,
От большой беды
На волосок.

Видел он,
Успев осатаниться
И откинуть руку на замах,
Как метались синие зарницы
В темных
Перепуганных глазах.
Не сосна
В минуту буревала —
На густой малинник, как гора,
Старая медведица упала,
Острого отведав топора,
И лежала после этой схватки,
Разодрав одежду о кусты,
Глаша, тонкобровая солдатка,
В полном цвете бабьей красоты.

Будто видел он совсем другую,
От которой глаз не отвернуть,
И смотрел на белую, тугую,
Ягодой обсыпанную грудь.
А когда, забыв про поединок,
Нес ее в народную молву,
Изо всех веселых ягодинок
Только две не падали в траву.

Его сердце
К ее сердцу льнуло.

Чтобы одиноко не стучать,
Сердце Харитона подтолкнуло
Сердце,
Переставшее стучать.
Изо всех чудес лесного мира
Лишь она была нужней всего.
Нес и повторял:
— Очнись, Глафира!..
И она очнулась для него.

И пока донес,
Легко ступая,
Мягкою травой не шурша,
Темная,
Крестьянская,
Скупая
Нежностью истаяла душа.
И однажды
Ночью черно-бурой
Он пришел, наветам вопреки,
Бросил за порог медвежью шкуру,
И о шкуру вытер сапоги.
Грубый,
В домотканое одетый,
Не читавший даже букваря,
Он сказал, как говорят поэты:
— Золотая искорка моя!

* * *

Все, чем жил,
Вдруг стало жизнью дальней.
Он для Глаши душу отворил,
И ковал на звонкой наковальне,
Будто с ней все время говорил.
Как умеет петь металл горячий!
Чем краснее он и горячей,
Тем певучей,
Искренней и мягче
Благородный тон его речей.
Обожжется молот и запляшет
Пьяным дружкой в свадебном чаду,

И звенит он:
«Глаша! Глаша! Глаша!..»
И зовет ок:
«Жду!.. Жду!.. Жду!..»

Звон условный,
Глашу зазывая,
Долетал и до того окна,
Где сидела, тоже не глухая,
Хмурая законная жена.
Помнит: сговорились не сердцами.
Помнит: в торге, долгом и скупом,
Было все устроено отцами,
Скреплено законом и попом.
Не поможет мамкина икона,
Бабушек даренье — образа,
Если выше всякого закона
Оказались Глашкины глаза.
Бог дает и радости и муки,
Только непонятно — хоть убей! —
Почему же нынче божьи руки
Оказались Глашкиных слабей?

Руки Глаши,
Если обовьются,
Их уже ничем не разорвать.
Губы Глаши,
Если улыбнутся,
До сухоты будешь тосковать.
Сердце Глаши!
Дай ему раскрыться —
И увидишь счастье в тайнике.
А ресницы?
В Глашиных ресницах
Заблудиться легче, чем в тайге.
Ласки Глаши!
Ласковые ласки —
И огонь, и сладкий хмель вина...
И сосна,
Чтоб не было огласки,
Все гудит над ними, как струна.

Станет Глаша
Пьяной и незрячей,
Чтобы дома, радуясь опять,
С белой кофты след руки горячей
С гордою улыбкой замывать.
Не пристала к ней тоска-забота
Даже в день,
Когда ей, как враги,
Дегтем разукрасили ворота
Милого лихие шуряки.

* * *

Харитону что?!
Опять смеется,
Смелого ничто не устрешит.
А солдат с войны к жене вернется,
Если вражья пуля разрешит.

Вражья пуля многих порешила,
Положила в сопках отдыхать,
А ему, Игнату, разрешила
Дорогую Глашу повидать.
Все она Игнату прежней снится,
В теплом свете марьевской зари.
Замолчи, услужливый возница,
Ничего о ней не говори!...

Как тайга, лицо солдата хмуро,
Будто защищавшему редут
Павшие твердыни Порт-Артура
Все еще покоя не дают.

Все непрочно,
Слишком скоротечно
Для солдат, ходивших на войну.
Царь одно из двух давал навечно:
Смерть на фронте,
А в тылу — жену.

Лишь она приписывалась прочно.
Потому и нес для жизни впрок

Из далекой
Из земли восточной
Спрятанный в бутылке тополек.

Вот и двор.
Солдат перекрестился,
Ручеек по плахе перешел.
Хорошо, что дом не покосился,
И целы ворота. Хорошо!
Хорошо, что двор не оголила.
На воротах, чтобы все по ней,
Старые дощечки поскоблила.
Тоже ладно —
Этак веселей.

Мудрость жизни —
Вот за службу плата.
И жену, какой бы ни была,
Десять лет служившему солдату
Спрашивать не надо,
Как жила.
В приступ жажды
Пьющего из чаши
Обожжет и студная струя.
Будто и глазам не верил.
— Глаша?!.
Подтвердила:
— Я, Игнаша, я...

Пусть жена не так, как надо, встретит,
Все равно солдат от счастья слеп.
Долго голодавший не заметит,
Мягкий или черствый
Ест он хлеб...

Как встречала
Да привечала,
От людей не утаишь...

Отчего ты, кузня, замолчала,
Отчего, как прежде, не звенишь?

Или твой кузнец уже не молод,
Или с другом сел за бражный стол?

Как узнал он,
Как поднял свой молот —
Б-бах!.. —
И наковальню расколол.
И таежной мерой горе мера,
Он метался в хвойной темноте.

— Где вы тут, невиданные звери,
Я зову вас, отвечайте, где?..
Зверь не шел.
И сам, как зверь косматый,
На душе которого темно,
Он прибрел на пиршество солдата
Под резное Глашино окно.

В доме пили,
В доме песни пели.
Не при нем, метавшемся в тоске,
Половицы старые скрипели
И горшки гремели на шестке.

А у ног его
Дрожал росточек
Самой неприметной высоты.
Тополька единственный листочек
Трогал свет мигающей звезды.
В диком буйстве богатырской крови,
В час обиды на душу тяжел,
Поднял Харитон сапог в подкове,
Будто виноватого нашел.

А листочек вдруг засеребрился,
Вроде запросил:
«Не будь жесток!..»
Подобрил и рядом опустился
Харитона кованый сапог.

На семейном пиршестве ненужный,
Он ушел в рассветную зарю.

До сих пор за шаг великодушный
Я тебя, мой дед, благодарю.

О беде понятия не имея,
Тополь рос и, кривенький, прямел.
Он потом над юностью моею,
Над моей любовью прошумел.

Горе и теперь в сердца стучится,
Но сердца вольны вступать с ним в бой.
И со мною не могло случиться,
Что случилось некогда с тобой.

* * *

На березках —
Желтые платочки.
Появилась лету вопреки
Листьев золотая оторочка
На зеленом поясе тайги.
И зима проворными перстами
К Глашавному дому
Все пути
Застелила белыми холстами:
Коли смел, попробуй наступи!
И леса густые облетая,
Чтоб изгнать из памяти весну,
В белые меха из горностая
Нарядила каждую сосну.

И не только лес зиме поддался,
Даже люди, взятые в полон,
Белизной утешились. Остался
Неутешным только Харитон...

Не звони,
Не наводи истомы!..
Как пойти ей на такой набат,
Если каждый след ее от дома
Заприметит пасмурный Игнат?!

Но была в надрывном звоне сила,
Пред которой Глаша не вольна.
Вышла на крыльцо,
С крыльца ступила,
На окно лицо оборотила,
Стала к кузне пятиться она.

Видишь, муж,
Домой ведут следочки.
Пятится —
И в луночке любой
Тяжело печатаются строчки
Валенок, простеганных тобой.

Пятится она к желанной цели.
И большее, чем дано рукам,
Белый снег
Поднявшейся метели
Бьет ее с размаху по щекам.

Только бы дойти,
Не оступиться!..
А метель, проклятая, метет,
Индевеют темные ресницы,
Стынут слезы,
Но она идет...

* * *

Берегись, жена,
Придет расплата
За твою бессовестную ложь!..
С пулями хитрившего солдата
Ложным следом ты не проведешь.
Десять лет ему, солдату, лгали,
Правду-матку пряча за мундир,
Десять лет солдатом помыкали.
Нынче сам он бог и командир!

Ты солдата не смягчишь слезами,
Он еще свою покажет власть..
Ведь недаром под его усами
Горькая усмешка прижилась.

У него своя игра с женою:
Упредил и не шумит пока,
Чтобы этой ложной тишиною,
Как на фронте,
Обмануть врага.

Стоит лишь солдату отлучиться,
Сделать вид, что конь его умчал,
Харитон в окошко постучится...

Так и вышло,
Дед мой постучал.

Глаша стук условный не забыла,
Выбежала в сенцы, в чем была,
Торопливо двери отворила,
В горницу, как прежде, провела.
Не успел желанный гость раздеться,
Не успел прижать ее к груди,
Стук раздался...
Никуда не деться.
Может, кто другой?
Пересиди.

Вышла Глаша.
Руки, леденя,
Поступают с мыслями не в лад.
Отворила. Вырос перед нею
С прежнею усмешкою Игнат.
Прошагал лениво мимо Глаши,
Не сказав ни слова, не кивнув.
Прошагал в передний угол, даже
В круглые глаза не заглянув.
Он своей не изменил походки
И спокойно, будто не был зол,
Полную бутылку казенной водки
Из кармана
Выставил на стол.
Шубу снял
И молвил тихо, странно,
Словно пересиливая хворь:

— Принеси-ка, Глаша, два стакана
Да закуску малую спроворь.

И легли, храненные особо,
На тарелку,
Словно близнецы,
В золотистых крапинках укропа
Крепкого посола огурцы.

Одарил улыбкою скупой,
От которой набежала дрожь,
Положил Игнат перед собою
Вместо вилки свой солдатский нож.
И сказал, давая волю блажи:
— Харитон! Не прячься, выходи!
Посидел, помиловался с Глашей,
А теперь со мною посиди!..

Поначалу будто и не слышал,
А потом, намучившись в углу,
Поразмыслил Харитон и вышел
Из веселой горенки к столу.
А Игнат полюбовался зельем
И спросил, не торопясь разлить:
— Что же, как жену с тобою делим,
Так и водку поровну делить?

Два стакана
В тайном гореванье
Разом над столом приподнялись,
Стукнулись шлифованные грани,
Звякнули —
И мирно разошлись.
Выпив, крякнули по моде русской.
Тут Игнат, недобрый глаз скосив,
Острием ножа поддел закуску,
Сунул в губы гостю:
— Закуси!..
Замер гость.
И зубы сжались сами.

Напрягая шею, не дыша,
Огуречный ломтик он губами,
Мускулом не дрогнув, снял с ножа.

Гость жует.
Игнат ему ни слова.
С гневом, накопившимся в душе,
Снова наливает он...
И снова
Подает закуску на ноже.

— Закуси!...
И снова испытанье,
Но теперь в жестокой тишине
Каждый слышит трудное дыханье
Глаши,
Прислонившейся к стене.
Вновь полны стаканы.
С третьим звоном,
С третьим подношением ножа,
Глаша на пол рухнула со стоном...
Встал Игнат.
— Ну, погостил — и ша!..

* * *

Что теперь?
Куда податься силе
С первой сединою на висках?
Самого поймали и скрутили,
Как того, Царькова, рысака.
После угощения солдата
Стала Харитону жизнь тошна:
Страшен был не острый нож Игната,
А неволя Глашина страшна.
Радость жизни обернулась пыткой.
Харитону тоже не легко...
И с палатей дети — Мотья с Митькой —
С любопытством смотрят на него.
Жаль их! Жаль...
Но ни душой, ни телом
Вновь он не приклеится к жене.

Два куска железа,
Что ни делай,
Не сварить на маленьком огне.

Так бы жил,
Тяжелый и суровый,
В чистоте любви непогрешим.
Надоумил человек торговый,
Ехавший с обозом на Ишим.

Он сказал:
Мол, зря тут держишь силу.
В той сторонке, где встает заря,
Набредешь на золотую жилу —
И дойдешь, богатый, до царя.
Сесть с тобою он сочтет за благо, —
Золото и для царей не сор.
Будешь кушать царскую кулагу
И вести неспешный разговор.

То да се...
Поскольку он в короне,
Безобидный сделаешь поклон,
Намекнешь о Глаше, о законе.
Царь мигнет —
И по́ боку закон.
Пригревая,
Шла весна полями,
С появлением первой теплоты
Желтыми мохнатыми шмелями
Вылупились вербные цветы.
Шла весна под спевку птичьих хоров,
Осыпая почками кусты.
Шла весна и с тихих косогоров
Скатывала белые холсты.

Вот и пасха.
Дни загорячели,
Загуляли люди на селе,
Закачались на яру качели.
Кто плясал, кто пел навеселе.

В пестроту дешевенького ситца
Невеселый, сдержанный в речах,
Вышел Харитон
С людьми проститься,
Вынес Митьку с Мотькой на плечах.

Нес их от лужайки до лужайки,
Нес их к яру, выйдя на межу.
— Ухожу!
Детей не обижайте,
Не от них —
От горя ухожу...

Нес любимых,
На себя похожих.
И все трое — головы в поклон.
— Тышша поманила, Харитоша?
Как услышал, замер Харитон
И сказал, подняв детей повыше:
— Вот моя тышша!..
И вот моя тышша!..

И ушел.
Он был на это волен.
Долго-долго, бледная с зимы,
Глаша из-за тонких частоколин
Все смотрела вслед, как из тюрьмы...
Проводила тайными слезами,
Пожелала, чтоб дошел до той,
Где-то за горами и лесами
Скрытой богом,
Жилы золотой.

* * *

Взяли жизнь
Таежные химеры.
Не ему везло — везло другим.
Ни в одном краю миллионера
Не встречали с именем таким.
День за днем
У памяти на страже,

Верст на тыщу ставшие подряд,
Здесь, в тайге,
И в Марьевке для Глаши,
Сосны одинаково шумят.

Лунными
Тревожными ночами
Снится ей один и тот же сон:
За рекой с неслышными речами
Одиноко ходит Харитон.
Дальний берег залит лунным светом.
Манит он ее, зовет: «Иди!..»
А она на берегу на этом
И никак не может перейти.

Весть пришла:
Живет он небогато,
Не дается золото ему.
И сбежала Глаша от Игната,
Не во сне
Сбежала — наяву.
И никто не рассказал толково,
Как ей отыскать любовь свою.
Думала, красивого такого
Разве же не знают в том краю!
Мир огромен.
Как под низкой тучей,
Что черна была и тяжела,
Шла Глафира по тайге дремучей,
К Харитону шла —
И не дошла...

Но уже
Решительно ступала
Революция с ружьем в руке,
Топором крестьянским прорубала
Просеки в нехоженой тайге.

Гордый дед мой,
Натрудив ладони,
Самородных жил не отворил,

Но с царем о Глаше, о законе
Все же Харитон поговорил.
Верю:
Вспоминая о Глафире,
Шел он в бой...

И где-то у Читы
В павшем партизанском командире
Признавали дедовы черты,

1947

ДУСЯ КОВАЛЬЧУК

Пора и в путь.
А снег завел пургу,
А снег замел приобские овраги,
И кровь друзей алеет на снегу,
Напоминая сорванные флаги.

Простому люду
Городских лачуг
Ни с Колчаком,
Ни с Гайдою не спеться.
И ходит Евдокия Ковальчук,
Прислушиваясь к собственному сердцу.
Легко ли, ровно ли оно стучит?
К нему потайно
Из особой связки
Партийным людям розданы ключи
В Москве, в Иркутске,
Омске, Красноярске.

Она их ждет,
Она давно их ждет,

Прикрывшись, как броней,
Подпольной кличкой.
Не открывайся, если кто придет
Не с тем ключом,
А с воровской отмычкой.

* * *

Быть может, шлик
Уже следит, как рысь,
И за тобой и за твоей квартирой.
Не забывайся!
В зеркало глядись
И на лице смиренье репетируй.
Но в зеркале
(Считай — на подлецов,
Считай — на Колчака и Гайду —
Нате ж!)
Глядит из рамки строгое лицо,
Блестят глаза, открытые не настежь.
И взгляд такой, что оторопь берет,
Но захотеть —
И просто улыбнуться,
Сломать в своих глазах непрочный лед,
Тряхнуть косою —
И в молодость вернуться.

Припомнилось:
Алтарь... Рука в руке...
Угрюмый муж,
Ей вовсе не ровесник,
Привел ее в свой дом и в сундуке
Закрыв ее девические песни.
Хотелось жить не так, как он считал,
Хотелось петь,
Глядеть на все без страха.
А темный Федор бога почитал
И обожал российского монарха.
Он брал ее,
Но сердца взять не смог
Ни ласкою, ни скудною мечтою.
А между тем любил

И так берег,
Как берегут трудами нажитое.
И вот она
У зеркала пока
Смеется, молодости повинуюсь,
Как будто достает из сундука
На черный день
Припрятанную юность.
В лес партизанский тропка далека,
Но тяжкий груз долготерпенья сброшен.
И не страшна пурга ей, и легка
На дне корзины
Спрятанная ноша.

* * *

А в этот час в Кремле,
Гоня озноб,
То строгий и суровый, то азартный,
Ладонью всею потирая лоб,
Ильич склонился
Над сибирской картой.
И, словно мятежа туша огонь
На всем пространстве
Сказочных владений,
Сказал, на карту опустив ладонь:
— Сибирь не будет русскою Вандеей!
В ней наш народ! —
Добавил он, гордясь
За те места степные и лесные.
— Усилить фронт!
Да, да... Удвоить связь! —
И пошагали по снегам связные.

* * *

Он долго шел,
Терявшийся в ночах.
Его, прошедшего и степь и горы,
Жестоким именем:
«Кол-чак!»,
«Кол-чак!» —
Пугали оружейные затворы.

Луну,
Что между тучами плыла,
Ему убить хотелось пулей меткой,
Как будто та подослана была
На небо
Колчаковской контрразведкой.

Не от нее ли,
Чтоб не виден был,
Пурги крошечной переживши натиск,
Снегами белыми себя покрыл
И притаился
Новониколаевск?

Но вот и дом.
Едва приметный след
Ведет его к еде, к теплу, к покою.
В нем свет горит,
Но, может, этот свет
Обманчив
И зажжен не той рукою?

И вот он в доме,
С шапкою в руке
Пытливо смотрит на хозяйку дома,
На человека в мятом пиджаке,
С угрюмым взглядом
И усами сома.
В печи дрова приветливо горят,
За дверцей виден огонек косматый.
— Вы комнату сдаете, говорят?..
— Да нет, кажись... —
Бурчит ему усатый.

Гость вздрогнул.
Сердце резанула боль:
Как было тяжело пройти полсвета,
Дом нужный отыскать
И на пароль
Не получить желанного ответа!

Он отступил,
Бледнее, чем стена.
Хозяйка слушала и примечала.
— Да, мы сдаем! —
Ответила она.
И на душе связного полегчало.

Не может Дуся сердце расковать,
Когда ее хоть что-нибудь тревожит.
Она собою может рисковать,
Но делом рисковать
Она не может.

И не в мандате —
В ясности лица
Нашла она последнюю поруку.
И, радуясь, раскрылись их сердца —
И два бойца поверили друг другу.
Теперь, спокойный, был он Дусе мил,
Забывший страх,
Казался он красивей.
— Мы ждали вас, товарищ Михаил! —
И подалась к нему. —
Как там, в России?

* * *

Судьба страны
Качалась на весах,
И на Сибирь откатывались грозы,
Где партизаны в пасмурных лесах
Ковали пики и точили косы.

Гневился сухопутный адмирал.
Теряя счет потерям и утратам,
Колчак огнем,
Колчак петлей карал.
Колчак устал казаться демократом.

Пылали села
В зареве огней,

И в пепле, возносившемся до бога,
Была видней,
Была еще родней
Глухая партизанская дорога.

Куда ни глянь —
Снега, снега, снега!..
И дремлет городок, как на подушках.
Но катит подо льдами Обь-река,
Журчит под снегом Каменка-речушка.

Связной
И Дуся в праздничном платке
Шагают в дом
На приовражном месте,
Где Каменка приносит Обь-реке
И горькие
И радостные вести.
Из кабака
Сквозь белые снега
Летит, поет на тройке с бубенцами
Упившаяся дочка мясника,
Не брезгуя безусыми юнцами.
Храпят, прядут ушами рысаки,
Хвосты и гривы плещутся в полете.
Чем безысходней приступы тоски,
Тем безутешней
Душный праздник плоти.
Горят подковы золотым рублем,
И снег блестит
Растраченной казною.

...Патруль!
И Дуся перед патрулем
Прикинулась ревнивою женою.
Кричит истошно:
— Бабишься да пьешь! —
Гляди, ударит. —
У-у, бесстыжий блудня!..
Солдаты ржут:
Знакомы до чего ж

Им новониколаевские будни!
А Дуся —
До чего же озорна! —
Мигнула Михаилу — и в сторонку.
Уже, как примиренная жена,
Смеется тоже весело и звонко.
Прошла беда — и радость оттого,
Теперь ее уже ничто не сгубит,
Не помешает повстречать того,
Кого, как жизнь
И как надежду, любит.

Но вот и явка.
— Бабушка, встречай!
Настасья Шамшина, гостей встречая,
Хлопочет у стола.
— Продрогли, чай?
И угощает их морковным чаем.
Дает сигнал, три раза засты свет.
Стоит большая,
Скрыв к душе лазейки,
Как будто весь подпольный комитет
Припрятала за теплой бумазейкой.
И он вошел,
На вид немолодой,
Постриженный в кружок, давно не бритый...
Но Дуся знает: русой бородой
От лишних взглядов
Молодость прикрыта.

* * *

Он трудно жил,
К стихам он не привык,
Но, как юнец, что о любви мечтает,
Суровый бородатый большевик
«Евгения Онегина» читает.
А рядом Дуся,
Перед нею шифр.
На желтоватом крохотном листочке
Условленный порядок дробных цифр

Обозначает строчки,
Буквы в строчках.

То загудит,
То смолкнет бас густой
На звучной рифме,
На певучем слоге,
Как будто арифметикой простой
Он выверяет пушкинские строки.
Поэзия, как музыка, легка!
Борис придиричив к прожитому веку:
Скупясь, берет от каждого стиха
Всего по букве,
Словно на проверку.
К концу глава —
И ниже голова.
Из давних слов великого созданья
Выходят обновленные слова
О близости народного восстанья.
Из вечных слов:
Мечтать, страдать, любить, —
Как из живых корней,
Пророс партийный
Приказ Москвы:
«Без промедленья слить
Отряды партизанские
В единый».

Сжигая шифр,
Сметая след трухи
И расставаясь с книгой
Утром мглистым,
Кто знал из них, что Пушкина стихи
Когда-то помогали декабристам?

Глаза блестя,
Но губы их молчат,
Большому чувству слова не находят,
А страстные стихи в ушах звучат,
Они в крови
Таежным хмелем бродят.

Уже рассвет с бульвара ночь сметал,
Когда она, шагнув к нему, сказала:
— Ты только что письмо в стихах читал...
А знаешь... Это я тебе писала!..

* * *

Играет в куклы
Шустренькая дочь.
Усталой Дусе радостно и горько.
Она и муж, почти как день и ночь,
А между ними — маленькая зорька.
Борьба,
Непримиримость их путей
Подкрасила глаза вечерней синью.
Муж бережет кубышку для детей,
Она ж для них добудет всю Россию.
Висячий ус
Сердито теребя,
Себя и Дусю подозреньем муча,
Он ходит, половицами скрипя,
Тяжел и хмур,
Как грозовая туча.

— Я знаю все!..
Ему не по себе,
Он постарел в предчувствии плохого.
— Уймись, тебя повесят на столбе,
Тебя убьют,
Как Сашку Петухова!

И стало горько
Видеть пред собой
И слушать устрашающие речи
Супруга, обделенного судьбой
Надеждой, верой,
Счастьем человеческим.

* * *

На верность богу давшие обет,
Из всех щелей,
Как черные букашки,

Как тараканы черные,
На свет
Повыползли монахи и монашки.

Вокзал.

Вагон.

Куда ни глянь — везде

Людская плоть, как киснувшее тесто.

И все-таки сестрице во Христе —

Штабс-капитан

Предоставляет место.

Присев,

Не посмотрела, а прожгла.

Подумал:

Не с картины ли известной

Боярыня Морозова сошла,

Чтоб показать,

Как крестятся двуперстно.

Взяла с собою невеликий груз:

Лежит в коленях,

В святости пригретый,

Для грешников незримый Иисус.

На переплете Нового завета...

Ее не тиснешь,

Не пожмешь руки,

Не назовешь красавицей и феей.

Она читает что-то от Луки,

Она бормочет что-то от Матфея.

Теперь бы не затворницу сюда,

А барышню с улыбкою весенней.

А впрочем, не до этого, когда

Святая Русь

Вопиет о спасенье.

Мелькают телеграфные столбы,

Поскрипывают старые рессоры,

Глазищами печальной Барабы

Глядят на мир соленые озера.

Блестит на солнце белый солонец...

И мнится, не болотная водица,
А кровь земли, измученной вконец,
Из травки зеленеющей сочится.
На гривках бродят тощие стада,
И версты, версты
Долгих перегонов!..

Штабс-капитан:
— Однако, господа,
Как ни смешно, дерзит Игнашка Громов.
— За это он заплатит головой!
— Она оценена.
— Да-с, шаг резонный.
— Не полк, а корпус снят с передовой,
Чтоб в городах усилить гарнизоны.
— Правитель недоволен.
— Дело-с в том...

Пока в купе беседуют любезно,
Монашка осеняется крестом
И призывает ангелов небесных.
Но быстрый взгляд
И еле слышный вздох —
Все говорит, к немалой славе беса,
Что спутница —
Да не осудит бог! —
Не лишена земного интереса.
Встревожил офицерские умы
Почти намек из Нового завета:
— Ночь отойдет,
Отринем дело тьмы...
Наступит день,
Возьмем оружие света...

* * *

А через день
В столице Колчака
Шумел начальник контрразведки,
Зная,
Что в город,
Неизвестная пока

Проникла большевистская связная.
Как гончим,
Чтоб загнать и затравить
Огнёвую лисицу в темном лесе,
Начальник бросил шпику:
— Изловить!
Черкнул рукою воздух. —
И повесить!

А Ковальчук уже клобук сняла,
В цвета оделась — синий и бордовый,
Лисицей хитрой след свой замела
И обернулась женщиной бедовой.
Напрасно враг петлю ей загадал.
Такой петля?!
Непостижимы вкусы!
Да если б контрразведчик увидал,
Признал бы сам,
Как хороши ей бусы!
И, уступая ветру,
В такт шагам
Дрожат, скользят неприбранные прядки,
И ниспадают к молодым ногам
И нежно льнут
Матерчатые складки.
Да за такой солдат сбежит с поста,
Когда огнем метнется кровь по жилам.
Теперь ее земная красота
Открыто
Делу правому служила.

* * *

Уже остуда тронула леса,
Утрами на пшенице перезрелой
Все ярче изумрудилась роса
И радугой упавшею горела.
Рябина красным соком налилась.
Уже калина вспыхивала жарко.
Вся в красном,
Словно кровью облилась,
Вся в иглах,

Напружинилась боярка.
На торжество измученной земли
Шагала осень,
Праздничная гостя.
И Дусю опечалить не могли
Черемух старых
Траурные гроздя.

А городами,
Пройденной тропой,
Счет умножая горестям и болям,
Могилы оставляя за собой,
Предатель шел
С изношенным паролем.
И он пришел.
Потухший пряча взгляд,
Назвал пароль, что был уже не в силе:
— Вы комнату сдаете, говорят?
И затоптался:
— Вы меня забыли?

Он был зимой.
Не позабыла.
Нет!
Но на лице его чужая метка,
В глазах почти неуловимый след,
Который оставляет контрразведка.

Его там били.
Но как хочешь жить,
Когда ты сам себе могилу роешь!

Рубцы на теле очень просто скрыть.
Но сломанную душу
Не укроешь.
Бывало с Дусей:
Сердце заболит.
Душа вдруг станет чуткой, как локатор.
Она замрет, поймет, определит,
Кто друг тебе,
Кто подлый провокатор.

И вывод был и мрачен и тяжел,
И верх взяла подпольная привычка.
Не открывайся, —
Он к тебе пришел.
Не с тем ключом, а с воровской отмычкой!
Но черный гость стоял, не уходил,
Не унимался,
От хозяйки слыша:
— Я вас не знаю.
— Я же Михаил.
— Я вас совсем не знаю.
— Я же Миша.

Потом она увидела в окно
И утвердилась в чувстве, ей знакомом,
Что был он, этот Миша, заодно
С фискалами, следившими за домом, —
И поняла, что начался уже
С неумолимой смертью поединок.
И стало зябко, словно по душе
Скользила, тая,
Горсть холодных льдинок.
Но есть родившееся не в тиши,
А в боевой извечной круговерти
Такое свойство молодой души:
Идя на смерть,
Не верить в силу смерти.

И мысль одна:
Угрозу отвести,
Предупредить,
Любимого спасти!..
Но как уйти?!
И, напрягая взгляд,
Она в окно, смирив сердца стуки,
Глядит...

Стоят.

Еще глядит...

Стоят.

И в пятый раз глядит...

Стоят, бандюги!

Обычный дом,
 В обычном доме том
 Прутьем железным забраны окошки,
 А в нем поручик с плотоядным ртом,
 Как пума
 За минуту до кормежки.
 Наедине помудрствовать любя,
 Понежить усыхающее тело,
 Он поучает мысленно себя
 Вести помятче следственное дело:
 «Ты, — рассуждает, — злобу усыпи,
 Ты помоги заблудшим отогреться,
 Не бурей будь в Барабинской степи,
 А солнцем, предлагающим раздеться.
 Вот Ковальчук... Да мало ль на Руси,
 Подобно ей,
 Попало в вихрь событий!
 А ты не горячись, ты пригласи
 Да расспроси...»
 И заорал:
 — Введите!
 И та вошла,
 Не плача, не грустя,
 Лишь на душе невидимая хмара.
 — Прошу-с, присядьте, будьте, как в гостях.
 Она в ответ:
 — Не вижу самовара.
 Заулыбался хитрый офицер,
 Запритворялся, приторно восторжен,
 Что он эсер,
 Сторонник мягких мер.
 — Я даже друг ваш!
 — Что-то не похоже.
 Блеснула наглость офицерских глаз.
 — И вас и Шамшину мы знаем сами.
 Меня интересует сейчас
 Не вы, — что вы?! —
 А кто-то стоял за вами?
 Ответила, решив не уступить

Своей победы в этой первой стычке!
— Жила, ходила, и, прошу простить,
Оглядываться не было привычки!

На скулах заходили желваки,
Перекосилась морда офицерья.
— Проклятые большевики!
Не понимают нашего доверья!
Довольно! — завопил противник злая,
Поборник правды, из терпенья выйдя.
— Монашкою, цыганкою была
Теперь увидим в натуральном виде!

Бывал он страшен, если под ремнем,
Под шомполами, отвергая милость,
Не признавая человека в нем,
Не проявлялась женская стыдливость.
Над Дусею был злее взлет хлыста,
Под потолком
Ходившего кругами.
В ней даже ум ее и красота
Ему казались личными врагами.

Не лебеди,
Но час и два подряд
На белых крыльях
Из глубин бездонных
Приподнялись над миром
И летят
Ее нечеловеческие стоны...

* * *

Молчит!
Палач глядит из-под очков
С улыбочкой насмешливо-елейной,
Пытаясь изучить Ковальчуков
Другим путем —
По карточке семейной.

Итак, монашку удалось поймать,
Хитра, ловка,

Продаст и перекупит.
Могла бы улигнуть...
Но дети... Мать!
Муж мог бы донести...
Нет. Значит, любит...
Он стар и для подпольщика ленив.
Она красива, молода, игрива...
Он хмур. Ревнив.
А может, не ревнив?
Э-э, черт возьми,
Все старики ревнивы!

И вышло так,
Как он предположил,
Когда его, ревнивца, в жертву прочил,
Он Федора туманом окружил,
Окутал тьмою
Беспросветной ночи,
Где не терялся лишь кошачий взгляд.
На рану, угнетая душу болью,
Поручик потихоньку капал яд
И посыпал ее толченой солью.

— Такой ходил?

— Ходил.

— Зачем ходил?

Припоминая горькие детали,

Супруг еще упрямился, твердил:

— Нет, нет!

Мы комнату для всех сдавали!

Поручик хитрый втайне ликовал

И, к сальности подмешивая грубость,

Гнетущую картину рисовал,

Которой не выносит даже тупость.

— Они любились — ты детей качал... —

Забывши все,

Растравленным медведем

Рванулся Федор, дико зарычал:

— Молчи! Они ходили не за этим!..

— Скажи, за чем же?..

Федор ус кусал,

Не замечая подленького взгляда.

Тогда поднялся, пальцы почесал
И засмеялся
Местный Торквемада.

* * *

А люди жили,
Плыли облака,
Качался лес, глухой, высокий, дюжий,
Тяжелая катилась Обь-река,
Легко журчала Каменка-речушка,
И каждый человек по мере сил
Куда-то нес свою земную участь.
Все красных ждали. Даже Михаил
Чего-то ждал,
Судьбой Иуды мучась.

Переполнялась холодом душа.
С Уральских гор
В Сибирскую равнину,
И гневом и возмездием дыша,
Катилась красноезвездная лавина.
Давно ли он
Горел ее огнем,
Он в бой ходил, перед врагом не труся?
Чего?.. Чего же не хватило в нем,
Когда его измучили, как Дусю?!

Ему за все, что на душе он нес,
Лишь Сатана в своей бессмертной силе
Иль жалостью страдающий Христос
Простить могли,
Но люди не простили.

И жалок был мятущийся фискал,
Теряющий надежду человечью.
Предав одних, он жертв других искал.
И те, кого искал,
Пошли навстречу.
В лесной сторожке
Шарить — не найдешь,
Любимый друг,

Не знавший чувства мести,
Всадил ему под сердце острый нож
По праву дружбы
И по долгу чести.

* * *

А осень шла.
Пылал соседний сад.
Кленовый лист, предчуя непогоду,
Влетел в тюрьму,
Как золотой мандат,
Как пропуск
На желанную свободу.
И каждый понимал:
Пока что — жил.
И каждый с жестких нар приподнимался,
А пятипалый лист порхал, кружил
И никому в ладони не давался.
Влетел другой...
Лежи, терпи, молчи,
Запрячь подальше мысли дорогие.
Стучат шаги.
В дверях гремят ключи.
Гнусавит надзиратель:
— Евдокия...
— Эй, Ковальчук! —
Торопят голоса.

Что окрик ей,
Когда весь день упрямо,
Сироткою, раздета и боса,
Дочурка ее мерзнет.
— Мама! Мама!.. —
И тянется к решетке: —
Я боюсь!..

Мать говорить старается с задором:
— Не бойся, доча, я к тебе вернусь...
— А скоро, мама?
— Скоро, доча, скоро!..

А осень шла и шла...
И у людей,
Чья воля палачу не уступала,
С гортанным криком познанных лебедей
Последняя надежда улетала.

Не день, не два,
А много дней подряд
На белых крыльях
Из глубин бездонных,
Приподнялись над миром и летят
Глухие человеческие стоны...

Мучительству не уменьшая срок,
Ее, и в жизни вынесшую много,
В который раз приносят, как мешок,
И, как мешок, бросают у порога.

И все же заглушающее страх,
Красивое, родное меж родными,
Живет в душе, теплеет на губах
Под пытками не сказанное имя...

Палач пытал,
Но с ним не разлучил,
Хоть крался в душу холод замогильный.
«Любимый, ты борьбе меня учил!
Изнемогаю...
Научи быть сильной!...»

Есть,
Есть, родившееся не в тиши,
А в боевой извечной круговерти
Святое свойство молодой души:
Идя на смерть,
Не верить в силу смерти.

1957

МАРЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Одна, последняя верста...
Вот с высоты горы отлогой
В широкую ладонь моста
Упала узкая дорога.

Где, выступая с двух сторон,
Деревья, точно на параде,
Всей тяжестью душистых крон
Касались тонких перекладин,
Где на высокую дугу
Завился хмель, созревший в пору,
И я уже почти бегу
По травяному кособору.

Меня прохладою обдав,
Ручей примчался на братанье.
Гремела светлая вода,
Как будто по моей гортани.
Ручей, играя, то сверкал,
То меж ветвями хоронился,

Являлся, искры высекал
И мчался дальше...

Я склонился

Так низко, что была видна
Вся глубь.

Я посмотрел — и замер:
Не детство ли мое со дна
Глядело ясными глазами,
Забывшими давным-давно.
Губами в дрогнувшие губы
Я неотрывно впился, но
Лицо перекошилось грубо
И потонуло...

Долго вниз

Глядел я затаив дыханье —
Там плыл смородиновый лист,
Кружа мои воспоминанья.

* * *

За лесами ли, горами ли,
Будто с милой вновь сидим
Неподвижно, точно замерли,
Настороженно глядим,

Как высокою травой
Пробираясь в ранний час,
На дорогу вышли двое,
Так похожие на нас.

Впереди мальчишка смелый —
Нё мальчишка, а гроза.
У него спадает белый
Чуб на серые глаза.

А у девочки по ситцу
Бьются темные косицы.

Дни летят, как птицы в стае,
Соблюдая свой черед...
Смотрим, парень подрастает,
Видим, девушка растет.

Стали косами косицы,
Превратилась тропка в путь...
Но любовь, что часто снится,
Паренек еще боится
Поцелуем отпугнуть.

И стоит он безответно...
Мне бы, той межой скользя,
Подойти и незаметно
Подсказать бы, да нельзя.

Подсказать бы, что в разлуке
Будут раны, будут швы,
Будут всяческие муки,
Будет горе... Что же вы?!

У синеющих отрогов,
На границе двух долин
Их широкую дорогу
Расколол зеленый клин.
К верстовым далеким знакам,
Подставляя ветру грудь,
Он пошел широким шагом, —
И его не повернуть.

Мне прибрелось, приснилось,
Как, печальная, она
Незаметно растворилась
В голубом разливе льна.

Лен слепит голубизною
И качается врасхлест...
Никого передо мною:
Лишь ручей
Да старый мост.

* * *

Как тягостного разлученья
Необходимые посты,
Полны великого значенья
Простые сельские мосты.

Они дороги наши сводят
На бревна, павшие внакат, в овраг
По ним всегда вперед идут
Но не всегда идут назад в овраг

Мост старили дожди и ветры,
Но я нашел тут глядел аж в овраг
Давно оставленные меты в овраг
А свежих не было ни где в овраг
То уныло в овраг
Как в летопись,
По старым пятнам в овраг
Вписал я всем чертам в овраг
«Домой вернулся в 45-м... жоп от в овраг
А ниже — месяц и число в овраг

В раздумье в овраг
Я сидел на слезе, в овраг
Мне слышался издали в овраг
Неторопливый скрип телеги в овраг
И стук пустого котелка.

Мне слышалось воды течение, в овраг
Заворожившее кусты, в овраг
Полны великого значенья в овраг
Простые сельские мосты.

* * *

А ветер, вея, льнул к лицу,
Шептал тихонько: «Насовсем ли?»
Допрашивал, взметнув пыльцу:
«Не позабыл ли нашу землю?»

Обидно было, что нельзя
Налюбоваться вдоволь ею.
Хотелось показать друзьям,
Где я живу и чем владею.

И огорчало лишь одно:
Пять лет назад вон там бескрайно
Синело озеро... Оно,
Невозмутимое, как тайна,

Теперь травую заросло,
Осокой заросло зеленой.
И все-таки в свое село
Входил легкося, окрыленный.

Домой уже брели стада,
Подернутые дымкой смутной.
Когда надвинется беда,
То улицы совсем безлюдны.

Лишь марьевские кузнецы
Стучат купрямо молотками.
Зато поля во все концы
Как бы усеяны платками.

Лучи косые вдруг блеснут,
Как будто, уходя с покоса,
Колхозницы домой несут
Зарю вечернюю на косах.

Мне трудно было бы узнать
Черты покинутой подруги.
Но мать... Ко мне шагала мать,
Раскинув для объятия руки.

В лучах зари она росла,
На холм входя тяжеловато —
Казалось, на плечах несла
Всю тяжесть позднего заката.

II

Верила все, что дождется, —
Мать не умеет иначе.
Плачет, когда расстаются,
Встретится — тоже поплачет.

С прежнею вносит заботой
Старую ложку и вилку,
Будто пришел я с работы
От полевой молотилки.

Будто пришел я, и надо
Прежде поестъ и напиться —
Просто пришел из бригады
В дядькиной бане помыться.

— Вот!
Помоги-ка, сыночек!.. —
Вынесла, виданный с детства,
Желтый такой туюсочек,
Круто промазанный тестом.

— Выпей!..
За сердце хватает
Сок, побежавший сильнее.
Пью я, а мать наблюдает
И почему-то пьянеет.

Вот он, мой дом!
Почему же
Верит душа и не верит?..
Стали и ниже и уже
Настежь открытые двери.

Тетка Агаша в просвете,
Меж косяками дверными, —
Вся, как на старом портрете.
Только с чертами иными.

Сердце от жалости стынет,
Глядя на скорбные руки...
Думал, что спросит о сыне,
Думал, что спросит о друге.

Вот, отойдя понемногу,
К маме она обратилась:
— Анна, какому ты богу
Так терпеливо молилась?..

* * *

А где-то рядом, за окном,
Играет гармонист

О том, что с веток, невесом,
Слетел последний лист.

Вослед стремительным годам
Он кружится, и пусть
По тонко тронутым ладам
Перебегает грусть.

Ах, не грусти ты и не тронь
Потерянных имен,
Косноязычная гармонь
Неведомых времен!..

На горьком аромате трав
Настоем был горячий воздух.
Как прежде, голову задрал,
Гляжу на марьевские звезды.

Не надо б,
Но глаза косят,
Глаза глядят не наглядятся...
Мое хозяйство! Пусть висят,
Когда-нибудь и пригодятся.

Мне, видевшему столько зла,
Что мне теперь миры иные!
До звезд ли, если есть дела,
Первостепенные, земные!

Она, мол, ждет, сказала мать,
И я иду по старым тропам
И начинаю привыкать,
Как пахнет тмином и укропом.

Широкая тропинка та
Казаться стала узкой-узкой...
Вдруг распахнулась темнота
Мелькнувшей рядом белой блузкой.

В тот миг не видел ни лица,
Ни черных кос, сплетенных туго.

Не мы сначала, а сердца
Узнали в темноте друг друга

Крылами рассекая мрак,
Над нами птицы пролетели.
Так хорошо и чисто так
Давно-давно мы не глядели.

Сказал, что лучшей не встречал
Я в землях русских и нерусских.
Как будто ветер закачал
Цветы, расшитые на блузке.

И сразу замерли цветы,
Когда, склонившись к ней, красивой,
— Другого не любила ты? —
Некстати так ее спросил я.

Горячую струну лишь тронь,
Струна заплачет и застонет.
— Ты что!.. — и девичья ладонь
Сказала все моей ладони.

III

Не гость,
Не какой-то прохожий —
Когда-то я здесь вырастал.
Чем дальше мы шли, тем дороже
Нам были родные места.

Мы шли на крутые отроги,
Мы шли по долине, и нас
По пыльной широкой дороге
Шумливый догнал тарантас.

— Садитесь!..
На свадьбе на вашей
Вина с медовухой попьем!..
— На вашей на радости, Маша,
Мы грустную песню споем!..

«Я на горушке стояла,
Я Егорушку ждала,
Кашемировым платочком
Я помахивала,
Молодова, удалова
Я приманивала.

Прилетели наши гуси,
Гуси серенькие,
Помутили гуси воду,
Воду светленькую.

Зачерпнула я ведерком
Воду мутную,
Понесла я свою долю,
Долю трудную...»

Мне больно и страшно обидно,
Что в тесном кругу среди них,
Как прежде бывало, не видно
Соперников гордых моих.

Я в жизни своей необычной
Себя не старался спасти.
Прости меня, друг закадычный,
Мой верный товарищ, прости!

Я знаю, печальная доля —
От ратных трудов отдыхать.
Не жать тебе спелого поля,
Не сеять тебе, не пахать...

С пылью на лапчатых шинах,
Все довоенной поры,
Грузные автомашины
Мчались на гребень горы.

Словно узор рисовали
На подорожной пыли,
Вырвались, побуксовали
И потерялись вдали.

От молотильной * бригады
Автомашинам вдогон
Пестрая шла кавалькада,
Пересекая загон.

Коровы круторогие
Домой везут воза,
Полуприкрыв широкие
Печальные глаза.

Трава густая снится им,
Зеленая скользит
За темными ресницами,
За длинными...

Вблизи
Спокойная, вся белая,
Раскланялась со мной.
Мол, видите, что делаю —
Приходится самой.

Что трудности имеются,
Понятно даже ей.
Мол, время ли надеяться
Теперь на лошадей.

Работа напряженная!
При деле при таком
Она и запряженная
Все пахнет молоком.

О том, чтоб не работала,
Вернула прежний вид,
На белой шее ботало,
Что колокол, гудит.

И звон тот не утишился
И не ушел на спад —
Он долго-долго слышался,
Тревожный, как набат.

И вскоре,
Молчанье нарушив,
У Маши спросил я, упрямо:
— Зачем, беря мою душу,
Ты водишь меня по полям?
Не рад я такому показу,
Его не легко перенести...
Сказала:
— Чтоб сразу...
Чтоб сразу...
Увидел ты всё, что ни есть.

Чтоб не было места укорам,
Что встретил меня не в раю...
Мы вышли к мосту, на котором
Оставил я надпись свою.

Сказал,
Что слова не сотрутся
Под ливнем, какой бы ни шел.
Сказал, что герои вернутся,
Что будет опять хорошо.
Сказал, что они не забыли
Крестьянскую сладость труда...
И слышу:
— Они приходили...
Ушли, не оставив следа...

Нахмурила строгие брови,
Продолжила с болью она:
— Ты прав, приходили герои,
Мы видели их ордена...
Ты прав, они храбро сражались
И кровь проливали не раз...
Там смерти они не боялись,
А здесь, о себе лишь печалась,
В заботах оставили нас,

Я понял:
У женщины право,
У женщины высшая власть.
О женщины!
Русская слава
Под сердцем у вас зачалась.
Красавицы русских селений,
Из вас поклонюсь я любой
За то, что судьба поколений
Становится вашей судьбой.
Я слушал упреки подруги,
Целуя под аркой моста
Ее грубоватые руки,
Сказавшие правду уста.

IV

Казалось мне,
Что воздух пашен
Меня, пришедшего, обмыл.
Я чище сделался и даже
Еще влюбленнее, чем был,

В свои поля,
В простор бескрайный,
Покрытый дымкою слегка,
В неповоротливость комбайна,
Идущего издалека.

Ему легко,
Ему просторно!
И, чувствуя земную дрожь,
Волнуясь, перед ним покорно
Склоняется густая рожь.

Он движется
Все торопливей,
Врезаясь в голубой проем.
Он тонет в золотом заливе
Необычайным кораблем.

* * *

Сердце мое отвердело,
Руки окрепли в боях,
Нас оторвали от дела
На неоглядных полях.
В темножелезные ночи
В дальней немецкой стране
Стали мы, нет, не жесточе...
Дайте рукою рабочей
К миру притронуться мне!

* * *

Мотор движения просил
Настойчиво, до дрожи страстно.
Все сорок лошадиных сил
Вдруг двинулись вперед согласно.

Комбайн, качаясь, описал
Широкий круг. Без возраженья
Нескошенная полоса
Попала в наше окружение.

Мне слаще музыки был звук,
Которого давно не слышал.
Чем уже становился круг,
Тем солнце опускалось ниже...

И ночью
Явно неспроста,
Над головою нашей свесясь,
Выглядывал из-за куста
Наш с Машею
Медовый месяц.

На терпком аромате трав
Настоем был горячий воздух.
Как прежде, голову задрал,
Гляжу на марьевские звезды.

Не надо б,
Но глаза косят,
Глаза глядят не наглядятся.
Мое хозяйство!
Пусть висят —
Я ж говорил, что пригодятся.

1946

ОБИДА

Из черпака
Глоток испивши,
Ты вскинешь воду — и твой взгляд
Увидит, что к земле застывшей
Не брызги падают, а град.

Здесь хватка у мороза злого
Крепка, остра, как волчий зуб...
Ты слово вымолвишь — и слово
Ледышкой слетает с губ.

Весною
Стан березки волглой,
Как хочешь, гни и выпрямляй...
А в эти дни ее не трогай,
Легко ломаешь —
Не ломай!..

В низинах,
Высланных снегами,
Шумит пожухлая куга...

Ты можешь проследить глазами,
Как пачинается пурга.

Вокруг бело.
Как бы в погоне,
По гребням здешних полугор
На белых, белых, белых конях
Метельный вылетит дозор.

Замрет...
Попляшет...
И по краю,
Присвистнув и гикнув зло,
Метнется, как бы выбирая
Короткий путь
В твоё село.

А вслед за ним,
Грозь бедою
И даже гибелью самой,
Пурга надвинется ордою
И все покроет белой тьмой...

* * *

Село стояло у реки,
В плену у бури неумной...
Не помнили и старики,
Чтоб сотрясались от пурги
Домов обтесанные бревна.

Семь дней тяжелый длился плен,
Семь дней она пугала воем.
И под защиту крепких стен
Повсюду скрылось все живое.
Укрылись люди и стада.
И страшен стал разгул метельный
На ту восьмую ночь, когда
Иссяк кормов запас недельный.

Мигает свет.
Шуршит, хрустит
В губах ягнят последний веник...

В просторном тепляке не спит
Лишь сторож, старый инвалид,
Да Настя, юный зоотехник.
Она, лицо к печи склоня,
Глядит, глядит,
Как угли млеют...
У Насти щеки то бледнеют,
То пламенеют от огня.

Любовь к ней в сердце постучалась,
Как путник в обогретый кров...
Она с Олегом не встречалась
Семь длинных зимних вечеров.
Вдруг чувства всю ее заполнят,
Как теплота,
Как пламя — печь...
Еще и нынче губы помнят
Счастливые минуты встреч.
Припомнит —
Будто обожжется,
И вновь горят ее уста...
В них и поныне бережется
Тех поцелуев теплота...

Очнулась...
Кажется, скрипят
Саней железные полозья...
Нет, это только плач ягнят,
Да тихое блеянье козье.
Уж не любитесь огнем,
Что пляшет над сухим поленом.
Все ждет,
Что, посланные днем,
Вернутся фуражиры с сеном.
Чтоб заглянуть в ночную мглу
С ее глухими голосами,
К оледенелому стеклу
Прижалась теплыми губами.
И вот увидела в глазок,
Как в детстве видела когда-то,
Что будто зверь,

Большой, косматый,
Урча, о раму чешет бок.
От бури жди немало бед.
И Настя слез сдержать не может.
— Ты вышел бы, взглянул бы... дед!
А дед твердит одно и то же:
— Где я с централкой, там уже
И лютый зверь не порезвится.
А голод, Настя, сторожей,
Сама ведь знаешь, не боится.
Не выйду, не-е... —
И вновь старик
Твердит про вора да про зверя.
Подняв высокий воротник,
В слезах
Метнулась Настя к двери.

* * *

Снежный дым
На сугробах курится, ~.
Вихри снега свистят над селом,
Будто белая-белая птица
Приопустится вниз, разлетится
И ударит по Насте крылом.

И она,
Разгораясь, как в пляске,
Осмелела — бывать не бывать! —
Теплой варежкой
Праздничной вязки
Перестала лицо закрывать.
С ней, такой,
Ничего не случится;
И девическая рука
В затемненные окна стучится
Чуть сильнее,
Чем стучала пурга.
«Тук-тук!» — «Время ли тешиться снами?!»
«Тук-тук-тук!» — «Одевайтесь теплей!.. ?!..»
Фуражиры с пустыми санями
Возвратились на фермы с полей...»

И опять,
Забытая о тропах,
Настя тонет в холодных сугробах...

Вот заслон частоколов знакомых,
Вот она узнает на бегу
Эти тонкие ветви черемух,
Этот низенький домик в снегу,
Этот старый скворечник тесовый,
Вознесенный на самый конек,
Эти ставни и эти засовы,
А за ними слепой огонек.

По болтливому
Бабьему сказу,
Настя смелой не в меру слыла.
Но ни разу, ни разу, ни разу
В этом доме она не была.
Ей случалось порой вечерами
В палисаднике с милым сидеть,
А когда проходила утрами,
На окошко стыдилась глядеть.
Шла немая, прямая... К тому же
Почему-то все чудилось ей,
Что в окне
Через дырочки кружев
Мать любимого смотрит за ней.

А у той
За плечами полвека,
Если что не по ней, то беда!..
День и ночь она точит Олега:
Дескать, больно уж Настя горда.
То и дело твердит не смолкая:
Мол, такую не тронь, не обидь.
А поженитесь, будет такая
Из тебя же веревочки вить.
Мол, отца я за то и любила,
Что не бегал за мной, как телок.
Делай так, чтоб по-твоему было,
Настя скажет,
А ты — поперек...

Только Настя об этом не знает,
На крыльцо она смело взбегают.
Может, сплетня поутру помчится...
Пусть их!..
Настя не видит греха,
Что в закрытую дверь жениха,
Не стыдясь,
Так упрямо стучится.
«Тук-тук-тук!..»
В темноту за порог
Настя крикнула, малость робея:
«Быстро!.. В красный иди уголок!..»
Только, слышишь...
Оденься теплее!..»

* * *

Когда любовь —
Не увлеченье,
Девчата в селах для ребят
(То знак особого значенья)
Перчатки вяжут и дарят.
В надежде,
Что и Настя свяжет,
Ее Олег то смел, то тих,
Все чаще спрашивал: «Когда же
Ты, Настя, мне подаришь их?»
Она сначала лишь смеялась,
А после в красном уголке
Уже частенько примерялась
Ее рука к его руке.

* * *

Уголок
Называется красным,
Хоть на диво всегда побелен.
В нем лишь стол
Покрывается ясным
И торжественным цветом знамен.
Чтобы каждый, светлея душою,
У такого стола

Окруженный готовыми к бою,
— Ждем седьмого! — зовет дизелист.
Сжалась Настя,
Не рада участью,
На которое дружба легка:
Из-за спин
К белым варежкам Насти
Протянулась чужая рука.
Добрый жест для нее не спасенье.
Повторяет, бледна и пряма
От неожиданного оскорбления:
— Я сама... Я поеду сама!..

Настя — в двери.
И сразу морозный
На Олега подул ветерок...
Он уже спохватился, да поздно —
И стоит у стола,
Одинок.

* * *

Чтоб от гибели
Фермы колхоза спасти,
Дизель, торных не зная путей,
Шел, играючи силой восьмидесяти
Большегрудых степных лошадей.

Он дрожал,
Продираясь сквозь дикий буран,
Сквозь сугробы почти по прямой.
Ослепительный свет
Пробивал, как таран,
Белый снег, перемешанный с тьмой.

Нет ни звезд, ни луны,
Ни всевидящих глаз,
Отличающих юг и восток.
Может, Северный полюс
Доступней в сто раз,
Чем на поле затерянный стог.

Горько Насте..
У ней все Олег на уме,
Как на ране едучая соль.
Расшумись, Бараба!
Пусть в твоей кутерьме
Приостудится Настина боль.

* * *

С шумом
Бросились к стогу ребята,
Чтоб в работе себя разогреть.
В пять минут штыковая лопата
Откопала июньскую цветь.
Заструился настой ароматный,
Как в покос
На меже луговой:
И ромашкой запахло, и мятой,
Подсыхающей в полдень травой.

Тем обиднее чувств перемена,
Когда, злой нагоняя мороз,
Две охапки пахучего сена
Ветер вырвал из рук и понес!..
И с обидой подумалось Насте:
У нее лишь
Средь многих подруг
Неудачливо взятое счастье
Тоже вырвано прямо из рук.

Чем она
Перед кем провинилась?
Вихревой проклиная буран,
Вдруг ослабла она, опустилась
На цветы
С приозерных полян.
Не успела пахучая мята
Молодой головы закружить,
Как заметили Настю ребята,
Стали Настю они тормошить.
— Встань же, встань!.. —
Дизелист ее просит.

И она отвечает ему:
— Что мне делать, коль ветер уносит
Все, что в руки свои ни возьму!..
Встала Настя.
Никто не приметил
Набежавшие слезы у ней.
Таёт стог:
Часть уходит на ветер,
Часть — на длинные жерди саней.

Жизнь не луг:
Лишний раз не покосим,
Лишних дней про запас не найдем.
На воз много кладем,
А привозим
Половину того, что кладем.

* * *

Стихли бури,
И ветры ослабли.
Уверяют нас сказок творцы,
Будто первые вешние капли
Прямо с юга приносят скворцы,
К деревенским карнизам подвешат,
Намекая на близкий апрель.
Капли многие вдруг забелесят,
Задрожат..
И начнется капель!..

И начнет
Всею силой земною
Из себя выходить Бараба.
Зазвучит над озерной страной
Лебединая в небе труба.
Схватят за сердце страстные звуки,
И тогда
От неясных тревог
Будешь тихо сжимать свои руки,
Если ты, молодой, одинок.
Затомится душа, затоскует,
Если девушка, нежно любя,

И целует тебя, и милует,
И не смотрит потом на тебя.
Боль-обиду от горьких насмешек
Растрavляет капризная мать:
— Ах, какую невесту, Олежек,
Упустил ты!..

Нельзя упускать!..

И неробкая властная сила
Снова к Насте Олега ведет:
— Настя, ты же наш садик любила...
В нем — черемуха... Видишь, цветет!..

— Не ломай!..

Цвет черемухи белый
Мне напомнил опять о пурге...

— О пурге?! —

Замер куст онемелый,
Задрожал у Олега в руке.
С болью цвет обрывает он с веток
И упрямо твердит:

— Погляди,

Погляди мне в глаза напоследок!..

Настя, я ухожу...

— Уходи...

А сама

С опечаленным взором,
Опасаясь повторной мольбы,
Торопливо уходит к озерам
Знойной,
Пестрой от стад Барабы.

А на этих озерах в условный,
Запримеченный Настею час
Тихо лебеди выплывут, словно
Легкий сон,
Чуть коснувшийся глаз.
Под лучами перо серебрится,
А вода то светла, то темна...
И дрожат камыши, как ресницы,
Пробуждаясь от легкого сна.

Долго Настя в тени простояла,
Притаившись за ивой густой,
И как будто несчастнее стала
Перед этой земной красотой.

У тропинки,
Что с детства знакома,
Все березки нарядны, прямые,
Лишь одна из них
С меткой надлома
Не оправится после зимы.

Кто-то в стужу прошел этой тропкой,
Тронул тонкую, сердцем не чист,
Оттого-то так робко, так робко
Развернулся узорчатый лист.
Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не троньте ее невзначай!..
Ячат лебеди...
Милая юность,
Боевая, смешная, прощай!..

1954

БЕЛАЯ РОЩА

На степь,
Спеша с травой слиться,
Нисходит ласковая мгла.
Заря вечерняя,
Как птица,
Давно сложила два крыла.
И над палаткой островерхой
В потухшем небе, как всегда,
Всечеловеческою вехой
Зажглась высокая звезда.

Опять, вздыхая и волнуясь,
Гармонь о городе поет.
И все же юность — всюду юность,
Она везде свое возьмет.
Когда любовь
Как хлеб и воздух
И в час свидания темно,
То для влюбленных были б звезды,
А лес иль степь — им все равно.

И ни к чему играть в оглядки,
Все в пору им —
И свет и мрак...
А вот Егор сидит в палатке
И думает совсем не так.
Он думает:
«Нужна свобода
В желаньях сердца и души;
Мол, отработать бы два года,
А там — уехать из глуши
В тот край, который любим очень
И, оказавшись вдалеке,
На добром русском языке
Мы называем краем отчим.

Любовь же,
Как земля сырая,
Прилипнет — не стряхнешь ее...»
Так думал он, перебирая
С полынным запахом белье.
Так думал он, хоть был и пылок.
В руке, приученной к труду,
Зажал коричневый обмылок
И вышел под свою звезду.

* * *

Река степная берег пилит,
Струя врезается в струю...
Егор неловко мылит, мылит
Рубаху старую свою.

Луны осколок в небо вышел,
Как будто отлитый в огне,
Повременил, поднялся выше
И закачался на волне.

Почудилось, что в лунной качке,
На глубине речного дна,
Русалка юная видна
И слышен голос:
«Вот так прачка!..»

Слова тихи, слова мягки,
Как будто с целью затаенной
Она глядит со дна реки
И притворяется влюбленной.

«Дай помогу я, дорогой...» —
И белой, до плеча открытой
Русалка тянется рукой
К его рубашке недомытой.

Была — и нет,
Стоит прицепщица,
Лесной цветок в степном краю,
У ног волна лениво плещется,
Струя вплетается в струю,
Вот Аннушка, его жалеючи,
Рубашку, мыло отняла
И над водою юбки девичьи,
Чтоб не мочить, приподняла.
Глядит Егор,
Смущенный встречей,
Как у нее блестят глаза,
Теснится блузка, ходят плечи,
Повдоль спины дрожит коса.
Когда же с ним заговорит,
Из-под капризных завиточков
Большой жемчужиной горит
Серьгой не троганная мочка.

Он думает в неясном страхе,
Неравнодушный к завиткам,
О трудной жизни, о рубахе,
Послушной девичьим рукам.
Побудет, мол, в руках умелых,
Размякнет
И в недобрый час
Прильнет к тоскующему телу
И слабость сердцу передаст.

У ног их
Месяц окунулся
И карасем уплыл в кусты.

Егор вздохнул и отвернулся
От беспокойной красоты.

Не спит Егор,
Когда в палатке,
Хмельное счастье пригубив,
Спят сдавшиеся без оглядки
На милость девичьей любви.
Над ковылями вместе с ветром
Плывет гобийская теплынь,
Опять в матрасе разогретом
Запахла горькая полынь.
Заглядывает месяц в щели
И улыбается хитро...
Приподнялся Егор с постели,
Нашел бумагу и перо.
За словом слово быстро нижет,
И кажется, перо само,
Поскрипывая, пишет, пишет
Старушке матери письмо.
Размашистый сыновний почерк
Намеком, как бы невзначай,
Дает понять ей между строчек:
Мне трудно — мама, выручай!

Все спят.
За финскими домами
Береза встала на пути.
Прижав зелеными ветвями
Почтовый ящик на груди.
И в смутном свете стало видно,
Как неказистый ящик тот
Глотнул письмо и так ехидно
Перекривил железный рот.

Дети маме
Покой пророчили,
А теперь, повзрослев, молчат.
Мать-старушка живет у дочери

Обихаживает внучат.
Вспоминает в беде не гнувшихся,
Вечно памятных только ей,
Улетевших и не вернувшихся
С поля ратного сыновей.
Вытрет старая слезы женские,
Улыбнется себе, горда:
Мол, не зря они, деревенские,
Были призваны в города.
В холод, в голод сыны не охали,
Были твердыми их слова,
И такое вокруг нагрохали,
Смотришь — кружится голова.
Вспоминая сынов бесстрашие,
Одного не осилит мать:
От земли уходили старшие,
А последний — к земле опять.
Для нее он все еще деточка,
Хоть высок он и густобров.
Получила от сына весточку,
Услыхала сыновний зов...

Много плакала, много видела,
Стала многое забывать.
Слезы краем платочка вытерла,
Принялась добро собирать.
Это сказано опрометчиво —
Просто комнаты обошла.
Собирать-то старенькой нечего,
Всю-то жизнь для других жила.

Не повидится,
Не утешится.
Удержать бы ее, да где ж!..
За Егора мать крепко держится —
Он последний в жизни рубеж.
Вот внучатам целует рученьки
И негорькую их слезу.
— Вы меня не забудьте, внученьки,
Я гостинцев вам привезу.

Хорошо, что еще невеликия
И не дочка и не немудра
Хорошо, что сполка-то нижняя,
А купейность ей ни к чему
Едет, смотрит на придорожные
Из всего, что есть на виду,
Ищет ровное и похожее
На далекую Кутунду
Речки быстрые, извивающиеся
То равнинами, то меж гор,
Пассажиры, вокруг меняются
Продолжается разговор
Входят, сходят
В дверях не мешкая,
Весть разносят на всю страну,
Что в вагоне старушка некая
Едет к сыну на целину.

Степь,
Как будто ее кто выровнял,
Будто кто-то куда-то нес
И случайно в дороге выронил
Семена плакучих берез.
И теперь на ветру полошется,
Пригибается во весь рост
Негустая белая рошица,
Одинокая на сто верст.

Берег...
Домики,
Как на пасеке.
Гул в степи далеко слышать.
К тем домам на совхозном «газике»
Подкатила первая мать.
Обнимает сыночка странница,
А друзья его, как в строю,
И у каждого взгляд туманится,
Каждый видит в ней мать свою.
Каждый тянется к ней в смущении...

И она целует парней
Так, как будто по поручению
Неприехавших матерей.
Рад Егор, что к нему из города
Подоспела старушка мать:
Мол, у Анны не будет повода
К сердцу с нежностью подступать.

* * *

Меж пластами земли
Поднятыми
Ходит-бродит лиса с лисятами.
Разгребая лапками комья
Все привычней и все бойчей,
И лиса и лисята кормятся,
Взяв в компанию двух грачей.
И в испуге лиса не мечется,
Охраняя лисят своих.
Об Егоре мечтает прищепщица
И о новой его советчице...
А зверушки?!
Ей не до них!

* * *

Тем же часом,
К сынку прибывшая,
Ходит мать, чуть-чуть загрустившая,
Ходит, смотрит на проживающих
И нигде не приметит взгляд:
Ни детей, меж собою играющих,
Ни спующих в траве цыплят.

Выйдет на поле...
За усадьбою
Вдруг почувствует, что стара.
Что-то медлит сынок со свадьбою,
Поспешить бы сынку пора.
На советы он стал обидчивый,
Будто зря ему говорят.
И от девушки от улыбчивой
Почему-то отводит взгляд.

Даже камень водою точится,
Даже камню приходит срок.
Смотрит мать,
Приглядеть ей хочется
Тихий ласковый уголок.
Кровь устанет в ногах — разуется,
И, приняв деревенский вид,
То ромашками залюбуется,
То над речкою посидит.
Даже берег водою точится,
Если волны идут внахлест.
Приглянулась матери рощица,
Одинокая на сто верст.

В ночи лунные и недлинные,
Когда в листьях блестит роса,
Настоящие соловьиные
В роще слышатся голоса.
А когда заря занимается,
От высоких кипящих крон
На все стороны разлетаются
Щебет, высвист и перезвон.
Мать придет и качнет сединой...
Свет, просеянный сквозь листву,
Отшлифованными полтинами
С дрожью падает на траву.

Ходит старенькая березником,
В тень присядет она с иглой,
Вышивает узоры крестиком,
Разговаривает с землей:

«Не сердись на меня, на грешную,
Я далекая, я не здешняя...

Многодетная, многодомная,
Я тебе, земля, незнакомая...

Умереть бы мне, где положено,
Где поезжено, где похожено!..»

С разговорами не скучается.
Мать от родственных мест вдали
Верной дружбою заручается
Незнакомой еще земли.

* * *

Сын счастлив.
Мать хоть и стара,
Но все еще встает с рассветом.
С ее приездом для стола
Своя заведена диета.
С ее приездом — с плеч гора,
Светлей душа и крепче тело,
И мысли дальнего прицела
Еще упрямей, чем вчера.
Крепись,
Чтоб сердце не дрожало
От вздохов девичьих и слез,
Чтоб Аннушка не удержала
Пушистыми цепями кос.

По вечерам,
Вернувшись с пашни,
В телах усталость принеся,
Скучая обо всем домашнем,
К Егору тянутся друзья.
Сидят, шумят до полуночи,
И что ни тема — новый спор.
Однажды, как бы между прочим,
Зашел о роще разговор:
Чтобы машины не кружились,
Мол, взять бы да раскорчевать...
Услышала, насторожилась,
Вязанье отложила мать.
Сказала:
— Не туда вы клоните... —
А сердце у самой щемит. —
Вы рощу Белую не троньте... —
Вздыхнула тихо, —
Пусть шумит...
Куда-то далеко-далеко

Глядел ее покорный взгляд...
Но материнского намека
Никто не понял из ребят,
И не проникся тихой болью,
Понятной только ей одной.
А через день,
Вернувшись с поля,
Егор столкнулся с тишиной.
Казалось, завершила дело
И вот, довольная вполне,
Мать бездыханная сидела,
Спиною прислонясь к стене.
В руках — узор,
Что ею выткан
На самой белой из рубаш,
И перекушенная нитка
Алела на ее губах...

* * *

Слезы льет Егор посоленные
И глотает дрожащим ртом.
Плотник дерево сшил пиленное,
Занаряженное на дом.
Это горе степные жители
Не сумели предусмотреть.
Недогадливые строители
Не планировали на смерть.

Мать,
Не в радостях поседелую,
Все высокие — ростом в рост,
Понесли они в рощу Белую,
Одинокую на сто верст.
В складках вся,
Будто в горе морщится,
Вековые пласты стеля,
Под ногами людскими крошится
Неподатливая земля.

В роще птицы молчат певучие,
В ней, по-своему загрузив,

Все березы стоят плакучие,
Косы длинные распустив.
Под березами,
Под косматыми,
Не затронув их белых ног,
Был отмечен в траве лопатами
Тихий ласковый уголок.

Вышло время
Обряду скорбному.
Яма, вырытая давно,
Словно ухо Земли, которому
Слышать радости не дано.
«Слушай, степь!»
Травы шепчут:
«Слу-у-шаю...»
«Мы не гости в краю твоём,
Отдаем тебе нашу лучшую,
Мать товарища отдаем...»
«Отдаю...»
На глаза сыновние
Опустился траур бровей.
Зазвучала в лесу симфония
Тихим шумом
Трав и ветвей.

* * *

И жизнь,
Неустанная жница,
Живых увела за собой...
Теперь перед рощей пшеница
Шумит и шумит, как прибой.
Над степью, как море, волнистой
Колеблется дымчатый зной.
Лишь роща
В разлив золотистый
Стоит зелена, как весной.

Страда!
Это хлеб в колыханьи
И пот, что струится со лба.

Страда — это, нет, не страдание,
Страда — это значит борьба,
Страда — это, с леностью споря,
Истрачивать силы в труде.
Егор, присмиривший от горя,
Старался забыться в страде.

А роща шумела, корила:
«Давно у меня не бывал,
Давно на родную могилу
Цветов запоздалых не рвал.
Давно не стоял перед нею
С упрямою думой своей!..»
Егор, перед рощей краснея,
Под вечер торопится к ней.
Любуясь пушистою остью,
Трудившийся в десять потов,
Идет он с пшеничною горстью,
Неся ее вместо цветов.

Вот холмик
В зеленой рубашке,
Надетой, чтоб скрыть черноту.
На травках — ромашки, ромашки,
Последние в этом году.
В ромашках весь холмик горбатый.
Егору легко угадать,
Кто вывести мог,
Что когда-то
Любила их старая мать.
Кто сердцем хотел и душою
Не мертвой —
Живой угодить.
Егор вдруг увидел большое,
Чего никогда не забыть.
И сердце сильнее застучало.
Могила...
Простой бугорок...
В нем отчего края начало,
В нем будущей жизни залог.
В соседстве береза кривая

Листву всполошила свою:
Стремился ты к отчему краю,
Будь счастлив ты — в отчем краю!

Он слышит:
«Не мешкай, не мешкай,
На верную стезьку ступи!
Взгляни, одинокою вешкой
Любовь твоя зябнет в степи.
Как цепью,
Косой золотою
Не зря приковать норовит...»

Егор пред ее красотой
Совсем безоружный стоит.
Вот Аннушка,
Голову вскинув,
Как будто чуть-чуть подросла
И руки свои колдовские
Навстречу ему понесла.

Притихла,
В глаза загляделась,
А вечер прохладен и тих...
Над ними звезда загорелась
Большая — одна на двоих.

1956

ПЕРВЫЕ СЛЕЗЫ

В черемухе,
Нависшей гроздьями,
В кустах густого тальника
Под крупными степными звездами
Неслышно катится река.
За дни, что утекли немалые,
Еще никто ни разу в ней
Не освежал лицо усталое,
Косматых не поил коней.

И лишь на дне,
Во мгле пропевшая
Коротенькую песню зла,
Лежит, случайно залетевшая,
Кучума длинная стрела.

И вот река
Костер заметила.
И без того-то не быстра,
Она движение замедлила
В горячем отблеске костра.

Звучат два голоса
Двух жителей,
Двух покорителей степей —
Один все громче и решительней,
Другой все тише и слабей:

— Не мучай, Вера.
— Я не мучаю...
Теряя над собою власть,
Еще одна звезда падучая
С небесной кручи сорвалась.

Не подмочив
Черемух кружево,
Еще минуту лишь одну
Река помедлила, послушала
И поспешила в тишину.

* * *

А утром
Под росой обильною
Вся степь, как стол с кривым углом,
Покрытый скатертью ковыльною,
И солнце
Гостем за столом.
Как будто ждет гуляш с подливою.
Вот поднялось, покинув стол,
И норовит, нетерпеливое,
В бригадный заглянуть котел.
А в нем,
Чуть видное сквозь марево,
Пыхтит, бурлит густое варево.

А Вере отоспаться хочется.
И, отгоняя гам и звон,
Двадцатилетняя учетчица
Еще досматривает сон.
В черемуховом окружении,
Где каждый кустик, как в снегу,
Влюбленной снится продолжение
Свидания на берегу.
Объятия снятся, ей незнанные

До сей поры...
И, как укор,
Ей снится с поседевшей мамою
Смешной и странный разговор.

Как в детстве,
Вера к ней прижалась,
Веселый не сдержала смех.
— Ты отпускать меня боялась...
А видишь — я счастливей всех.
Мать смотрит на нее тревожно,
А почему, и не поймешь.
— Родная, будь же осторожна...
— Ну что ты, мама, он хорош!

Проснулась.
Новая картина:
Над ней, простынку скинув прочь,
Стоит прицепщица Марина,
Пять смен работавшая в ночь.

Глаза темны,
Глядят упрямей,
Как будто девушка со зла
Под неподвижными бровями
Остатки ночи принесла.

Меж губ, кривясь,
Легла усталость.
Сказала, их разжав не вдруг:
— Пробегала!.. Прощеловалась!..
У Веры захватило дух,
Приподнялась — и нет дремоты,
Державшей только что в плену.
— Ты мне завидуешь!..
— Да что ты?!
— Да-да, завидуешь!..
— Чему?..

Усталый взгляд еще жесточе.
— Чему? Чему? Ну, говори!

Твердит пришедшая из ночи
Другой, пришедшей от зари.
И Вера, ставшая смелее,
Решилась на словесный бой.
— Тому, что я ему милее,
Что он со мной, а не с тобой!..

* * *

Счастливей нет,
Чем сердце Верино,
Стучащее — не уступи!
С любовью девушке доверена
Вся красота,
Вся ширь степи.
Она идет степной дорожкой,
Ей двадцать верст пройти не в труд.
Недаром Верой-Длинноножкой
Ребята девушку зовут.
Она идет,
Где пашня новая,
А рядом с ней. вперед спеша,
Саженка скачет двухметровая,
Похожая на букву «А».
Сверни,
И степью седотравною
Шагнет за Верой хоть куда
Та буква — первая, заглавная
Из мудрой азбуки труда.

Счастливей нет,
Чем сердце Верино,
Приветливое, как весна.
Вот черная гряда замеряна
И в книжицу занесена.
Взгляд вскинув
От листка шуршашего,
Она глядит в степную ширь
Довольней Ермака, вписавшего
В родные карты
Всю Сибирь.

Над нею плавно кружат копчики,
А в травах, выбравшись на свет,
Как истые регулировщики
Все суслики свистят ей вслед.
Такая добрая акустика,
И только для нее одной!
Нет, не одной...
Вот из-за кустика
Выходит Женя Черемной.
Легко ему
С улыбкой, с шуточкой,
Неотразимой для девчат.
На нем шагреновая курточка,
И зубы и глаза блестят.
В нем все для форсу и бравады:
И темный ус, подбритый в срок,
И чуб для девичьей привады,
Положенный на козырек.
И вот рука руки касается.
— Ты ночь не спал и все в степи?
— Ночей не сплю, все жду, красавица,
Счастливой ночи...
— Потерпи...

Легко тому,
Кто и отшутится
И скажет правду.
— Ждать мне лень
То счастье, что когда-то сбудется,
Мне нужно счастье каждый день.

Загородясь саженкой длинною,
Чтоб не посмел он цап да лап,
Она корит его Мариною.
— Марина — пройденный этап.
— Ты груб!..
В ответ лишь смех удачника:
— Пусть любит Павла своего...
Упреки Веры легче мячика
Отскакивают от него.

Он знает, что из уст девических
Сейчас сорвется:
— Мой родной!..

На зависть всем
В делах лирических
Всесилен Женья Черемной.

* * *

Удачлив Женья,
Счастлив Женья,
Бежит по жизни, как с горы.
Капризы сердца, чувств брожение
Прощались Жене до поры.
Играл он,
Жизнью избалован,
Покамест лучший из друзей
Однажды не был обворован
В любви неузнанной своей.
Марина?

Э-э, Марин немало!
За нею Женька Черемной
Не сразу заприметил Павла,
Хоть жил под крышей с ним одной.
А тот страдал, не спал ночами,
Пока по праву чувств больших
Не отнял сильными руками
Свою любовь из рук чужих.
Марина шла за ним покорно,
Не унося с собой вины,
И было им в степи просторно,
И были их сердца пьяны,
Чисты в порывах вечной жажды,
Неистошимо, как поток...
Так мог бы поступить не каждый...
Но Павел сильный,
Павел смог.

Он землю твердую корежил
И трубным голосом гудел:
— Железо было тверже. Все же
Я гнул железо, как хотел.

И все-таки
Пришло мгновенье,
Когда, забытое уже,
Пустое зернышко сомненья
Дало росток в его душе.
Узнал он, презиравший страх,
Что нет обиднее иного,
Чем имя на ее губах
Пройдохи Женьки Черемного.
И вот услышал.
Тихим стал
И ждет, когда неровный трепет
Почти семейного костра
Глаза Маринкины осветит.
И, торопясь огню помочь,
Он бросил веточку посуше —
И тотчас отбежала ночь,
Легла в траве и стала слушать.
Трещали сучья в тишине,
За искрой искра вверх летела,
Но даже при большом огне
Лицо его не просветлело.
— Ты не пойдешь к нему!
— Пойду!
— А стыд?
— Не время быть стыду.
— А честь?
— Твоей не трону чести.
Он смотрит,
С бровью бровь связав,
В ее цыганские глаза.
— Ты мстишь ему?
— Он плох для мести.

Их спор,
Как острый меч к мечу,
Но скрыть ли чувство дорогое.
Припав плечом к его плечу,
Марина обняла другое.
— Послушай...
Сник и приослаб

Огонь дорезшей хворостины, дод R —
 И ночь обратно приползла вгнзвдоД
 Послушать шелотоко Марины, ддд —
 Кто сердце женское поймет, тнзвддN
 Добру и злу отыщет меру?! ЗудноП
 Да-да, она к нему опойдет, он, ндN —
 Чтоб уберечь подружку Веру, дод эН
 Да, да, заслуженный удар, джв эН
 Она для Женьки приготовит, эзвП он
 — Я выйду, встану в свете фар, мЭ
 И он свой трактор остановит...

План прост.

* * *

В полынной тишине

Марина слово к слову нижет: влшV
 — Он сразу бросится ко мне, уд жвK
 И Вера пусть его услышит, вотрэд Э
 Поймет, что страсть его — туман, жО
 Что нет любви, а есть обман, ттрдүлK

внүл рвзвнлпоротэН

ужжордд влврдыва оүтүрүK

Тогда, вно рстэордкз хврут а от
 Не в меру разогрет, вандрэвэн жвк, от
 Всегда спокойный Павел с болью үП
 Прикрикнул на Марину, рт мотэвз от
 — Нет! тэомэ нлзвдк и рстэордкз от
 — Позволь мне, Паша! то үхшүвэд Н
 — Не позволю! жкрдл оюнимет оюлоП
 И процедил:

— Молчи! Не глуп, эл үлзвП оэзлжЖ
 Чтоб... Чтобы он еще губами а мэр
 Хоть раз твоих коснулся губ, атжжэБ
 Чтоб вечно грязными руками тнтнотД
 Он на тебе оставил след!.. ттүнрэдВ
 — Но, Паша!.. жкүр вн атжвЯ
 — Нет, Марина, нет! рстнтвэвев Н

вшүлүт жвбд, тнртмэ эзв по А

оайотэ рвнотэ внэнмоС

Кто сердце женское поймет, тнлрэдТ
 Завязку увязав с развязкой? жвт вот
 Все, что по долгу не возьмет, доком ү
 Марина заполучит лаской, нлжвктннүМ

— Я больно сделала... Прости!..
Добавила не без укора:
— Беду хочу я отвести,
Избавить Веру от позора.
Пойду?
— Иди, но знай одно... —
Не досказав, махнул рукою.
Не каждому дано такое,
Но Павел добр,
Ему дано.

* * *

Ушла.
Как будто в глубину
С береговой шагнула кручи.
Скрывая звезды и луну,
Клубятся над Мариной тучи.
Неторопливая луна
Крутую выбрала дорожку.
То в тучах скроется она,
То, как неверная жена,
Пугливо выглянет в окошко.
То светом травы обольет,
То скроется и краски смоем,
И девушку от плеч до бот
Полою темною прикроет.

Железо Павлу легче гнуть,
Чем в горьких думах пепелиться.
Бежать,
Догнать ее,
Вернуть,
Взять на руки
И возвратиться!..
А он все смотрит, боль глуша,
Сомненья отгоняя стойко.
Терпи!
Вот так, созреть спеша,
У молодых растет душа —
Мучительно растет и горько.

Спит Вера.

За день нахлопочется,

А ночью к думке на поклон.

Двадцатилетняя учетчица

Недобрый, смутный видит сон.

«Ш-ш-ши...»

По траве межою новою,

Небоязливо, как своя,

С саженкой споря двухметровой.

Ползет очковая змея.

И лишь саженка кверху вскинется

И новый сделает прыжок,

Змея замрет,

Лениво выгнется,

Блеснет в траве

И тоже скок!

Но вот узлом свернулась греческим,

Вот закачалась перед ней

Со взглядом, будто человеческим,

С улыбкою, как у людей.

Она качается и щерится

И, видя девичий испуг,

Рогатым жалом в сердце целится...

«Тук!»

Вера вскрикнула.

«Тук-тук!»

Не придавая снам значения,

Вдруг Павла увидав в окне,

Она вздохнула с облегчением,

Подумав:

«Это же во сне».

А тот с гримасою невинною,

Но грустный, на слово скупой,

Интересуется Мариною.

— Марина разве не с тобой?!

— Нет.

Вера ходит как незрячая

По узеньким половикам.

И кровь тяжелая, горячая
То к сердцу хлынет,
То к ногам.

Дверь...
Степь...
Бежит травой немаятою,
Скользя подошвою босой,
И ноги, словно с пыла снятые,
Не охлаждаются росой.

Бежит...
Зарниц приметит всполохи,
Как птица чуткая замрет,
Послушает ночные шорохи,
Плечами зябко поведет.
И отлетают подозрения.
«Он пашет!»
Далеко за тьмой
Знакомое ей тарахтение
Приятней музыки самой.
И каждый звук, в тиши встречаемый,
И запах трав со всех сторон,
До сей поры незамечаемый,
Взял сердце Верино в полон.

Что было некогда обещано,
Она сама отдаст ему.
В ней с ревностью проснулась женщина,
Узнавшая вдруг что к чему.
Она спешит.
Теперь ей кажется,
Что поняла давным-давно,
Зачем земля весною пашется
И высевается зерно.
Впервые в радостном смятении,
Как будто крайний вышел срок,
На тракторное тарахтенье
Она бежит через лесок.
И вдруг, на малом расстоянии,
Увидев что-то, замерла,
И тонкую, в недомогании,
Она березку обняла.

Там Женька
Методом заученным
Известный проявляет дар
И, как петух с крылом приспущенным,
Марину довит в свете фар
— Не мучай. —
Подступил решительно.

— А Вера?.. * * *

Цедит он слова:
— Что Вера?! — и пренебрежительно

Отбросил в сторону.

— Трава!

Прикинулся:

— Умру... Невынесу!

Тогда, гонимый тоской,

Тревожно вылетели из лесу

Два крика —

Женский и мужской.

Смутился лишь в секунду первую

И подбодрился на второй:

На этот раз уже за Верою

Метнулся Женя Черемной.

Догнал.

Дурные сны сбываются.

Ей кажется, что пальцы рук

Скользят по телу, обвиваются

Могильным холодом гадюк.

И Вера стала непокорною.

Давно ль к нему,

Чтоб все отдать,

Себя несла, как чашу полную,

Боялась каплю потерять!

Теперь бежит,

Лишь бусы звеньяют

Да мокрая трава шуршит.

Невесть откуда перед Женькою

Встал хмурый Павел.

— Не спеши!..

У Женьки глаз шальные выкаты

Блеснули зло.

И Павел груб.

— Смотри, на пакость больно прыток ты!..

— Пусть прыток!..

Вышло: зуб за зуб.

— И заяц прыток — прытче льва,

Да шкура зайца дешева!

* * *

Горяч,

Еще в порыве бега,

Чтоб скрыть обиду куражом,

Смеется Женька.

— Ха!.. Олеко!

Ты что, Олеко, не с ножом?

— Ты любишь острые приправы?

Ну?..

Женька не умерил прыть.

Мол, со своей хорошей славой,

Он драться не имеет права.

— О праве правому судить.

И как судья:

— Прими в известность,

Как истину и как совет:

У нас есть право лишь на честность,

У нас на подлость права нет.

— На счастье есть? — и нагловато.

Хихикнул Женька.

— Ждать мне лень

То счастье,

Что придет когда-то,

Мне нужно счастье каждый день.

Он все наглей.

— За все дела я,

За трудности, что любви вам,

Наград высоких не желаю.

Тружусь и награждаюсь сам.

Овал скулы

Отметив взглядом,

Рванулся Павел сгоряча.

— Зачем же избегать награды?!

Напрасно, Женья...
Полу-чай!..
Схватились..
Каждый не сдастся..
Один с отчаяньем лихим..
За право чистым быть дерется..
Другой — за право быть плохим..

* * *

В реке ни звезд,
Ни рыб играющих,
Ни волн, готовящих прыжок..
Вокруг черемух облетающих
Лежит нетающий снежок.

Притихли волны,
Не всклокочатся,
Не заиграют меж собой,
Как будто им подслушать хочется,
Чем кончится горячий бой.

А из бывшего вспомнить нечего..
За все минувшие века..
Ни слез, ни горя человеческого..
Еще не видела река..
И лишь на дне,
Во мгле пропевшая..
Коротенькую песню зла,
Лежит, случайно залетевшая,
Кучума длинная стрела.

С тех пор как степь,
Повсюду гладкая,
Веселым смехом ожила,
К ней на берег походкой шаткою..
Впервые девушка пришла..
Река журчит, ее жалеючи..
Река блестит в рассветный час..
Ей все впервые..
Слезы девичьи..
В нее упали первый раз.

И если горькою настойкою
 Все слезы мира в речку слить,
 Вода в реке не будет горькою,
 Ее все так же будут лить,
 Не все равно ли каплям, канутым
 В степную речку иль в Неву?
 Не плачь,
 Я тоже был обманутым
 И тоже плакал...
 Но живу.

1957

ЛЕНИНСКИЙ ПОДАРОК

На юге,
В подкове предгорья,
Где в марте отыщешь цветок,
У самого синего моря
Беленый стоит городок.
Бушует в нем зелень густая.
И мнится,
Коль с моря взглянуть,
Что там голубиная стая
Присела в пути отдохнуть.
Вот, кажется, город взвоется
И улетит далеко...
В нем сердце спокойнее бьется
И дышится людям легко.

Утрами
По улице тихой,
К шажку прибавляя шажок,
Чуть горбясь, седая ткачиха
На теплый идет бережок.

Не надо искать знаменитей:
Всю жизнь, что в труде прожила,
Она из тонюсеньких нитей
Большую дорогу ткала.
Трудилась,
Теперь отдыхает.
Ничто здесь ее не томит.
Она свою жизнь вспоминает...
А Черное море шумит...

* * *

В те дни,
Когда по снежным падам
Под Нарву шел за строем строй,
В настороженном Петрограде
Служила Надя медсестрой.
Бойцу привычно не бояться, —
Смерть у него одна, а ей
В ту пору довелось сражаться
Со множеством чужих смертей.
Она была храбра, но в стуже
Неотопляемых палат
Боялась Надя встретить мужа
Средь умирающих солдат.
И все ждала о мире слова,
Так страстно, как солдатики ждут...
День приходил, второй — и снова
К подъезду раненых везут...
Опять сестра бежит к воротам
По лестнице особняка.
Навстречу Наде быстрый кто-то:
«Носилки не нужны... Пока!..»
Порывист,
В жестах откровенен,
Столкнувшись с ней лицом к лицу,
Стремительно поднялся Ленин
По госпитальному крыльцу.

На многих рваные халаты,
Бинты замытые видны.

Ильич осматривал палаты
И повторял:
«Бедны, бедны!..»

То добрый,
То сурово-резкий,
Вступая в темноту палат,
Он видел чистыми до блеска
В то время
Лишь глаза солдат.
Они, подернутые горем,
Светлели перед Ильичем:
«Товарищ Ленин, мы вот спорим...»
Ильич подался:
«И о чем?»
Ответил юный, смуглолицый,
С повязанною головой:
«Мы спорим... Надо ль замириться
С буржуазией мировой?»

Ильич молчал
И только взглядом
Спросил: и вывод, мол, каков?
«Вот старики твердят, что надо»,
«Вот, вот...»
И я — за стариков...
Когда за власть буржуи ссорятся,
Война народу не с руки...
Нет, нет! И пусть не хорохорятся
То-о-варищи меньшевики!
Мир, мир!
И только мир!» —
При этом
Он, вглядываясь в полутьму,
Все шурился, как бы от света,
Который виделся ему.

* * *

Когда в глаза ему смотрели
С голодным блеском сотни глаз,
Он видел, как они теплели

От гордой мысли, что у нас
Все будет,
Только б укрепиться,
Чтоб на просторах всей страны
Светил нам не огонь войны,
А плавок доменных зарницы.
Все будет,
Нужно лишь терпенье!..
У юной медсестры тогда
Забылись страхи и сомненья,
Забылись горе и нужда:

«О многом
В этот миг забыли.
Почти никто не услышал,
Как в ленинском автомобиле
Мотор голодный зачихал.
Ильич уехал, вслед солдатки
Глядели.
Вспомнили они:
«На нас заплатки и заплатки...»
«Да что ж мы?!»
«Надя, догони!..
«Ты смелая!.. Проси не пищи,
Проси обувку... Должен дать...
Она на рынке стоит тыщи,
Обувка-то!..
А где нам взять?!»

Рванулась...
Вот пустырь, заводик...
Цель ближе... Вот совсем близка...
И догнала
Чихавший «фордик»
У неисправного мостка.

Ильич,
На мостик выйдя древний,
Пока саперы чинят путь,

Как мужики порой в деревне,
Присел на бревна отдохнуть.
Смеялись
Лучики-морщинки,
И Надя, прямо как на грех,
Увидела его ботинки.
Поношенные, как у всех.
«Ну как просить?» —
Вдруг тесно стало
Уже заученным словам.
Она шагнула и сказала:
«Я от солдаток...
С просьбой к вам.
Они... Они не просят пищи...
Обувку бы... пар двадцать пять...
Она на рынке стоит гыщи,
Обувка-то!..
А где им взять?!»
«Да верно», —
Ленин приподнялся
И, на ее взглянув башмак,
«А вам?» — спросил
И рассмеялся
И весело и грустно так.
Он стал,
Как показалось Наде,
С мастеровыми чем-то схож;
Прикинул, на ботинок глядя:
«Э-э, нет!.. Уже не подошьешь!..»

Вдруг резче
Меж бровями складка,
И сразу смех и шутка прочь!..
«Так вот, товарищ делегатка... —
Вздыхнул, —
Попробуем помочь!.. —
Глаза прищурились в заботе
При виде сбитых каблуков. —
Вы молодые, вы доживете
До модных туфель и шелков...»

Весной,
К прилету первой стаи,
На улицах и берегах
Снег залежавшийся растаял
И по Неве прошла шуга...
А Брестский мир
Был слишком краток;
Бойцов измученных леча,
Забыло двадцать пять солдаток
Про обещанье Ильича.

Однажды в дождь,
Грозовый, сильный,
Затмивший все и вся вокруг,
За Надею пришел посыльный
И пригласил ее в ревком.
Шла под дождем она, по лужам,
Готовясь горе перенести:
Ей все казалось, что о муже
Недобрую там скажут весть.
Шла медленно,
Не торопилась
К неведомой судьбе своей.
Коса под ливнем становилась
Все тяжелей и тяжелей...

Вот и вошла,
Не замечая,
Как потекли с нее ручьи.
Ее, всю мокрую, встречают
Суровые бородачи.

И самый старший из ревкома
Спросил у медсестры тогда:
«Сестра, вы с Лениным знакомы?»
Смутилась и сказала:
«Да!»

Вдруг бородач оправил китель, —
Должно, с кадетского плеча, —

И вытянулся: «Разрешите
Вручить подарок Ильича». —
Тут Наде подали коробку.
«Неужто только мне одной?» —
Подумала и робко-робко
Взяла подарок именной.
И даже вздрогнула немножко,
Когда вдруг скрипнули в руках
Красивые полусапожки.
На аккуратных каблуках;
Не на шнурках, а на резинке...
И, кроме этих, именных,
Увидела в углу ботинки
Солдатские —
Для остальных.

Без красноречья, как умеди,
Подарок Ленина вручив,
Заулыбались, подобрали
Суровые бородачи.

* * *

В подарок тот
Принарядиться
На праздник — вот бы хорошо!
Дни пролетали вереницей,
А к Наде праздник
Все не шел...
Бывало, поглядит в окошко:
Вот, дескать, кончат воевать,
Она в своих полусапожках
Пойдет любимого встречать.
И милому на удивленье,
Чтоб он ничем не укорил,
Она расскажет, как ей Ленин
Сапожки эти подарил.
Но нет!
И ей, как многим женам,
Судьба тяжелый путь дала:
На муку чувствам береженным
Любимого не сберегла.

Но от беды у ней устало
Не опустилась голова.
В дни мирные ткачихой стала
Двадцатилетняя вдова.

* * *

А вскоре боль другой потери
Хлестнула по сердцу, как плеть...
Она жила, как бы не веря,
Что Ленин может умереть.
А эти траурные звуки?!
Нет, нет! Казалось, не в беде,
А просто вытянулись руки,
Уставшие в большом труде.

А скорбы!..
Она текла, как Волга.
Он для тебя, Отчизна-мать,
Трудился так, что долго-долго
Ему придется отдыхать.
И день прощанья был неярок,
Боль, не стихая, сердце жгла..
В бесценный ленинский подарок
Обулась Надя и пошла.

Пришла.
Толпа у фабзавкома,
А снег над ней кружит, кружит..
«Ты, — шепчут, — с ним была знакома,
Иди к трибуне, расскажи...»
А что она теперь расскажет,
Когда в глазах — круги, круги!..
То слезы вытрет,
То покажет
На дареные сапоги.
Сначала голос был невнятен,
Но вскоре даже с дальних мест
Стал удивительно понятен
Ее рассказ
И этот жест.
И то, как вождь сказал в заботе
При виде сбитых каблуков:

«Вы молоды, вы доживете
До модных туфель и шелков...»

* * *

«За жизнь-то
Хлебнула я лиха.
Достаток повелся не вдруг...» —
Замолкла седая ткачиха
И радостно смотрит вокруг.
У стареньких
Счастье во взглядах,
Почти как у малых ребят.
Вон девушки в ярких нарядах,
Сбегая на берег, шумят...

Одна беззаботно смеется,
Другая с восторгом глядит.
Волна к ней навстречу несется,
И гребень на солнце горит.
Глядит и ткачиха влюбленно
На то, как за гребнем, вдали,
Приветствуя город беленый,
Спокойно идут корабли.
И кажется:
Слух отмечает,
Что тем кораблям из-за гор,
Как детям своим, отвечает
Заводов торжественный хор.
Все, все,
Что ее окружает,
Что радует сердце и глаз,
На сто голосов продолжает
Не конченный ею рассказ.

1953

от-аненж вэ»
вхнл в влундэлх
— «...түрдэ эн рлэлэон хотэтсоД
вхнлвхт рлэдэ влклэомлэ
түрдков тнртомэ онтсодарэ Н
хнхлнрлэртэ V
хвдрлелэ он элтэрэ С
трдэр хнлэм ү жк нтрл П
хвдрлэртэ хнхлнрлэртэ нон
ОБ АВТОРЕ
...трмүш, трдэр ан рлэлэон

Василий Дмитриевич Федоров родился в 1918 году в городе Кемерово в семье рабочего — девятым по счету сыном. Прокормить такую большую семью в городе тогда было невозможно. И через год Федоровы переезжают в деревню Марьевку Анжеро-Судженского района Кемеровской области. В 1923 году отец умер от тифа, оставив вдову и одиннадцать детей. В то время пастухами работали самые бедные и в деревне говорили про Федоровых: «Сколько растет пастухов!» Но и в далекой сибирской деревне жизнь повертывалась по-новому, и не пастухами — последними людьми в деревне, а организаторами новой жизни, первыми людьми на деревне стали братья Федоровы. Стал коммунистом и уехал учиться на партийные курсы самый старший из братьев, Андрей. За старшего в семье остался восемнадцатилетний Петр, который в Марьевке организовал комсомольскую ячейку и был избран ее первым секретарем. В деревне шла острая борьба за влияние среди молодежи. Вечеринки молодежи, так называемые «улицы», превращались в своеобразные диспуты, на которые приходили с едкими частушками и стихами собственного сочинения; богатеи гнули свое, комсомольцы — свое. (В семье Федоровых сочинить частушку или стихотворение мог почти каждый.) На протяжении десяти-двенадцати лет секретарями комсомольской организации деревни перебивали почти все старшие братья и сестры. Был комсоргом колхоза и будущий поэт. Через семью Федоровых прошли все деревенские страсти и времен изпа, и времен коллективизации. Восемь коммунистов дала семья Федоровых, разъехались они по всей стране и работали в качестве партийных и комсомольских работников.

Будущий поэт рано включился в трудовую и общественную жизнь. Тринадцать лет он был уже комсомольцем, а в четырнадцать, когда он учился в Жарковской ШКМ — школе крестьянской молодежи, — его избрали комсоргом коммуны «Горняк». После окончания шести классов ШКМ Василий Федоров два года работал в колхозе — и рядовым и помощником брига-

дира. Около девяти лет он проработал на военных заводах Сибири — технологом, мастером, старшим мастером. Неоднократно избирался комсоргом цеха, членом бюро райкома комсомола; здесь же, на заводе, в 1945 году он был принят в КПСС.

Первые свои стихи и очерки Василий Федоров напечатал в 1944 году в заводской многотиражке. Любопытно, что героями очерков были его товарищи из мастерской, тогда как в стихах он брал уже темы, не имевшие никакого отношения к заводу.

Два курса Литературного института имени А. М. Горького Василий Федоров закончил без отрыва от производства. Лишь в 1947 году приезжает он в Москву и переходит на основное отделение института, которое заканчивает в 1950 году.

Первая книга Василия Федорова — книга поэм «Лирическая трилогия» — вышла в Новосибирске в 1947 году. Уже в «Лирической трилогии» мы обнаруживаем характерные и для позднейших поэм эмоциональную напряженность действия, свободный, не скованный стихотворной формой диалог, пристрастие к афористическому обобщению мысли. Герой первых поэм не имел биографии, не нес за собой пережитого; он весь в переживаниях и думах данного момента. Другое дело в «Марьевской летописи», написанной, правда, примерно в то же время, в 1947 году, но своеобразным рубежом ставшей между первыми и написанными позднее поэмами: в эту поэму вошла биография героя, вошла и через образную систему, и через картины природы.

Не оставляет автор и начатой еще в первые годы работы над прозой. В 1953 году в издательстве «Молодая гвардия» Василий Федоров выпускает небольшую документальную повесть «Зрелость» — о знатном сталеваре «Азовстали», а через год в том же издательстве выходит его повесть «Добровольцы». В этой книге автор сумел создать живой, правдивый образ молодого человека наших дней. Повесть рассказывает о первых месяцах жизни молодых новоселов на целинных землях.

В том же 1955 году в «Молодой гвардии» вышла вторая поэтическая книга Василия Федорова — «Лесные родники», куда вошли стихи и три поэмы: «Ленинский подарок», «Обида» и «Далекая».

В настоящее время автор готовит к изданию вторую часть повести «Добровольцы» и продолжает работу над новыми стихами и поэмами.

Вл. Сякин

Федоров Василий Дмитриевич

ВЕЛАЯ РОЩА

Поэмы

Редактор Вл. Сякин

Художник И. Ушаков

Худож. редактор Н. Печникова

Техн. редактор Е. Григорьева

А08620 Подп. к печ. 6/IX 1958 г.

Бум. $84 \times 108\frac{1}{32}$ = 2,125 бум. л. =

= 7 печ. л. 6,7 уч.-изд. л.

Тираж 10 000 экз. Цена 5 р. 35 к.

Заказ 1144.

Типография «Красное знамя»

изд-ва «Молодая гвардия».

Москва, А-55, Суцеская, 21.